

ВИКТОР
ПРОНИН
В ПОЗЕ
ТРУПА

ЭКСМО

Банда

Виктор Пронин

В позе трупа

«ЭКСМО»

1994

Пронин В. А.

В позе трупа / В. А. Пронин — «Эксмо», 1994 — (Банда)

Андрей научился убивать, когда мстил своим обидчикам. А теперь он делает из своего тела безотказное и страшное оружие, потому что знает: схватка с беспределом, захлестнувшим город, будет долгой и безжалостной. Знает об этом и следователь Пафнутьев. И лучшего союзника, чем Андрей, ему в этой схватке не найти. Изувеченный человек, лежащий в позе трупа на больничной кровати, уже начал давать показания. Значит, скоро Пафнутьеву и Андрею придется сделать первый шаг. Если, конечно, их не опередят...

© Пронин В. А., 1994

© Эксмо, 1994

Виктор Пронин

В позе трупа

*Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана —
Буду резать, буду бить,
Юных девочек любить.*

Детская считалка

Овсов – такая фамилия была у заведующего травматологическим отделением городской больницы. Степан Петрович Овсов. Фамилия не придуманная, не вычитанная в исторических романах или дворянских хрониках, а доставшаяся от предков, которые, по всей видимости, как раз и имели дело с овсом, лошадьми, телегами. Впрочем, об этом можно было догадаться и по внешности Степана Петровича – был он плотен, невысок, нетороплив, обстоятелен. Весь, как говорится, от земли. Слова его были просты и непритязательны, мысли не отличались ни лукавством, ни возвышенностью. Жизнь обошлась с Овсовым довольно милостиво – с его головы не упало ни единого волоска, но зато все они к сорока годам сделались совершенно белыми. На мир Овсов смотрел чуть исподлобья, из-под тяжелых морщин, улегшихся вдоль лба. Но во взгляде не было угрюмости. Взгляд у хирурга был если и не ласков, то достаточно доброжелателен, людей он выслушивал с интересом, не перебивая, и по лицу его в это время блуждало какое-то усмешливое недоумение.

Кабинет Овсова являл собой дальний угол, выгороженный в общей ординаторской шкафами так, что их стеклянные дверцы смотрели наружу, а фанерные ящики с наклеенными ценниками служили стенами кабинета. Ценники эти из порыжевшей бумаги и с пятнами проступившего клея Овсов не отдирает и другим запретил – по этим бумажным клочкам можно было неопровержимо установить, что всего несколько лет назад фанерные шкафы стояли в тысячу раз дешевле, нежели те, которые стояли в магазинах сегодня. Кабинет получился небольшим, примерно три метра на три. Но этого оказалось достаточно, чтобы внутри расположить письменный стол с телефоном, узкую кушетку, накрытую казенной простыней с расплывшимся фиолетовым штампом, и стоячую металлическую вешалку. Проход, оставленный между шкафами, был завешен опять же белой простыней с фиолетовым штампом, приходившимся как раз на уровень лица входящего человека.

Конечно, можно было посуетиться, поклянчить и выбить у главного врача под кабинет маленькую палату, предназначенную для тяжелых больных, тем более что она чаще всего пустовала, а если кто и поселялся в ней, то по высоким звонкам – именно для таких случаев главврач и держал эту палату. Если же кто-то предлагал похлопотать за него, Овсов от таких предложений уклонялся, причем не просто уходил от разговора, а уходил в полном смысле слова – из мест, где разговоры затевались.

– Сами предложат, – говорил он.

– Держи карман шире! – кричали ему вслед.

– Не могу, – оправдываясь, ворчал Овсов. – Гордыня одолела.

При этом не шутил и не придурился – просто называл вещи своими именами. Была, была у него эта самая гордыня, которая не позволяла чего-то просить для себя, будь это теплый месяц для отпуска, кабинет или мешок картошки, завезенной для больницы выздоровевшим председателем колхоза. Собственно, только в этом его гордыня и проявлялась, да еще в том, что он самонадеянно брался за любые операции. Будто наверняка знал, что эту работу больше сделать некому. Что, в общем-то, так и было.

* * *

Это случилось почти полгода назад, душной и черной июльской ночью. Весь день стоял такой изнуряющий зной, что спастись от него было невозможно даже за кирпичными стенами больницы. Они прогревались, кажется, насквозь, и даже ночью Овсов вынужден был надевать халат на голые плечи, прихватив полы двумя пуговицами у пояса.

Дни стояли длинные, дороги были в хорошем состоянии, уйма народу разъехалась по отпускам, и в травматологическом отделении наступили более спокойные времена. А к полуночи миновали и напряженные часы, когда чаще всего поступали колотые, резанные, давленные больные. А после двух ночи только что-то уж совсем чрезвычайное могло потревожить Овсова. Правда, могла еще потревожить немногословная, дерзкая санитарка Валя. Но это уж как сложится, как получится...

Овсов тяжело поднялся со стула, и его белая фигура в халате легким привидением скользнула в черном окне. Выглянула из двери – длинный и тусклый коридор был пуст и тих. Где-то в дальнем сумраке проковылял больной на костылях, решив загодя сходить в туалет, чтоб среди ночи не подниматься. Из соседней палаты донесся чей-то сдавленный стон, чей-то храп. Привычные больничные звуки. Мелькнула озабоченная фигурка санитарки, тоже обычное дело – помчалась кому-то колоть обезболивающее.

Убедившись, что все идет своим чередом, Овсов вернулся в кабинетик, старательно задернул за собой простынку, открыл тумбочку стола. Сунув вглубь руку, пошарил там и вынул бутылку какой-то диковинной водки, подаренной сегодня залежавшимся больным. Тот наконец выписывался, уходил из больницы на своих двоих и счел долгом отблагодарить Овсова, тем более что знал – тот не откажется. А знал, потому что и Овсову как-то среди ночи приходилось угощать этого больного – ничего, кроме водки, в больнице в тот раз не нашлось обезболивающего. От чего-то другого Овсов, может быть, и отказался бы, сочтя подношение оскорбительным, но отказаться от бутылки сил в себе не находил. Да и не искал в себе этих сил, если уж говорить откровенно. Видимо, такой подарок затрагивал в его душе что-то важное и Овсов не просто брал, брал с благодарностью, искренне радуясь и простодушно дивясь замысловатым формам бутылок.

– Распутин, – озадаченно пробормотал Овсов, взглядываясь в бородатого мужика на этикетке. – Надо же, Распутин... Ишь бы! А Гриша, как мне помнится, предпочитал сладкие вина... бедный Гриша. – И Овсов с хрустом свинтил пробку с горлышка бутылки. И вслушался в хруст – и по этому, вроде бы незначашему признаку, можно было определить качество водки. Пробка свинтилась хорошо, легко, четко. И разрыв ее металлических перемычек тоже был приятен для уха. У Овсова всегда портилось настроение, когда пробку приходилось скovyривать ножом, вилкой, зубами, обдирая в кровь пальцы, и отбрасывать в сторону нечто жеваное, рваное, с торчащими во все стороны заусеницами. Но такое случалось лишь с отечественными бутылками, в которых плескалась странная жидкость, от которой тяжелели виски, судорожно колотилось сердце и сутками не проходила тянущая боль в желудке.

Овсов залпом выпил полстакана водки, прислушался к себе, осторожно поставил стакан на стол. Потом несмело, как бы стесняясь, взглянул на собственное отражение в окне и со вздохом откинулся на спинку стула.

– Ну вот, – пробормотал чуть слышно. – И хорошо.

– Добрый вечер, Степан Петрович. – Простыня на двери колыхнулась, и в просвете появилась девичья мордашка в белом больничном кокошнике. – Не помешала?

– А, Валя, – Овсов улыбнулся, не оборачиваясь. – Входи... Всегда рад тебя видеть.

– Да ну, рад видеть! Заливаете, Степан Петрович!

– Ничуть, – Овсов убежденно покачал головой, продолжая наблюдать за сестрой в оконном отражении. Валя прошла вперед, села на угол стола, выдавая тем самым их достаточно близкие отношения. Взяв стакан, понюхала, отставила в сторону, подальше от себя. – Хочешь выпить? – спросил Овсов.

– Нет... Дрянь какая-то.

– Да, водка неважная, – согласился Овсов и, поколебавшись, осторожно положил ладонь на Валино колено, которое вызывающе светилось прямо перед его глазами.

– Не позовете, не пригласите, – проворчала Валя, запустив пальцы в его волосы.

– Прекрасно знаешь, что я всегда тебе рад... Когда бы ни пришла.

– А я хочу слышать зов. – Валя с дурашливой капризностью выпятила губы.

– Ты его слышишь.

– Не всегда!

– Понимаешь, – Овсов провел рукой по ее бедру, но, когда хотел убрать ладонь, Валя ее задержала. – Понимаешь... В определенном возрасте мужчина уже не может вот так запросто что-то там намекать красивой девушке. Поблажка нужна, посыл какой-то...

– И какая же тебе еще нужна поблажка? И какой же тебе еще нужен посыл? – Она легко перешла на «ты». – Ты должен знать, Овсов, что возраст, которого ты опасешься... Еще не наступил. Для тебя еще не наступил.

– Виноват, – пробормотал он. – Исправлюсь.

– Торопись, Овсов.

– Хорошо, – кивнул он. – Сегодня... Останешься? – Он невольно посмотрел в сторону узкой кушетки и тут же, поняв, что девушка заметила его воровской взгляд, густо покраснел, но взял себя в руки и спросил с улыбкой: – Или как?

– Что же мне остается... Зов прозвучал... Надо как-то откликаться. – Она взъерошила седые волосы Овсова, спрыгнула со стола. – Пойду на последний заход, там где-то в семнадцатой бабуля причитает...

– Пусть причитает, – обронил Овсов. – Ей так легче.

– Может, кольнуть ей чего-нибудь?

– Кольни.

– А чего кольнуть-то?

– Это не имеет значения... Ей важно, чтобы вокруг немного посуетились, побегали, – проговорил Овсов как-то отстраненно, думая о своем.

– Помрет бабуля?

– Нет. – Овсов обернулся на стоящую за его спиной Валу. – Во всяком случае, не скоро. Она еще лет десять будет постанывать, покряхтывать, попукивать... Родня привезла ее, чтоб хоть немного отдохнуть, дух перевести... Ты заметила, какой у нее аппетит? – усмехнулся Овсов. – Обрати внимание. Трех хороших мужиков прокормить можно...

В коридоре простучали быстрые частые шаги и смолкли у двери ординаторской. В больнице знали об отношениях хирурга и медсестры и вот так с ходу распахнуть дверь в ординаторскую не решались. Ничто не изменилось в позах Овсова и Вали, они не сделали ни единого движения, но между ними сразу появилась какая-то отчужденность. Теперь, кто бы ни вошел, он увидит лишь руководителя и подчиненного. И ничего больше. Занавеска отошла в сторону, и вместо фиолетового штампа появилось встревоженное лицо пожилой женщины.

– Степан Петрович... Извините, Валечка, – даже во взволнованном состоянии женщина не упустила возможности легонько куснуть сестру. – Там такое, такое... Степан Петрович, – и она без сил опустилась на кушетку, но, взглянув на Валу, тут же встала, словно невзначай села на чужое место. – Привезли на попутной машине... Я не знаю, что это такое...

– И где «оно»? – спросил Овсов с еле заметным раздражением.

– Сразу на рентген отправили.

– Хорошо. Сейчас иду. – Последние слова прозвучали как просьба оставить его одного.

Обе женщины поняли и быстро вышли. Овсов несколько мгновений сидел неподвижно и, лишь дождавшись, когда хлопнет дверь в коридор, открыл тумбочку и достал бутылку. Встретившись с собой взглядом в темном оконном стекле, подмигнул, извиняюще развел руками и, налив полстакана водки, медленно выпил.

– Так-то будет лучше, – проговорил негромко и, завинтив крышку, поставил бутылку в тумбочку стола. Он привык четко оценивать свои ощущения и сейчас, почувствовав в душе что-то теплое, обнадеживающее, задумался. И тут же понял, в чем дело, – в бутылке оставалось еще достаточно водки, и у него будет возможность выпить после операции.

* * *

То, что лежало на операционном столе, являло собой зрелище довольно страшноватое. Это было какое-то месиво из мяса, костей, окровавленной одежды. Привычные контуры человеческой фигуры даже не угадывались. Человека положили на стол совсем недавно, но из-под него уже вытекала кровавая жижица, которую и кровью-то назвать было нельзя.

– Ни фига себе! – невольно пробормотал Овсов.

– Такого еще не было, Степан Петрович, – прошептала женщина, которая недавно приходила в ординаторскую.

– Он живой? – спросил Овсов.

– Пульс есть, но слабый... Затухающий.

– Снимки сделали?

– Проявляют.

– Вы бы хоть форму ему какую-нибудь человеческую придали, – проворчал Овсов. – Чтоб похоронить можно было в гробу, а не в ведре. Будут снимки, принесите... Я у себя.

Овсов повернулся, чтобы уйти, уже дошел до двери, но что-то его остановило. Хирург обернулся, еще раз окинул взглядом кровавую горку, возвышающуюся над столом, и вдруг встретился взглядом с этим существом – иначе его назвать было нельзя. Да, из складок сорванной кожи, торчащих розовых костей на него смотрели глаза. Овсов подошел поближе, думая, что показалось, померещилось. Нет, это действительно были глаза, и они в упор смотрели на него не мигая.

– Ты меня слышишь? – спросил Овсов, и голос его дрогнул.

Глаза мигнули.

– Ты живой? – произнес Овсов скорее утвердительно, чем с вопросом.

Глаза опять мигнули.

– Он в сознании, – Овсов распрямился и обвел всех взглядом, в котором уже не было ни раздраженности, ни уверенности. В его глазах была полнейшая растерянность, если не ужас. – Готовьте, – пробормотал он и, круто повернувшись, вышел.

– А вот сейчас и не следовало бы, – осуждающе сказала пожилая сестра.

– Ему виднее, – ответила Валя, но не было в ее голосе уверенности.

Овсов прошел в ординаторскую, протиснулся за свои шкафы и задернул занавеску. Достав из тумбочки «Распутина», он замер, прислушиваясь к себе, словно ждал какого-то сигнала, совета, разрешения. И, получив нужный сигнал, быстро отвинтил пробку, налил в стакан водки, поколебался, плеснул еще немного и спрятал бутылку. Перед тем как выпить, тяжело, протяжно вздохнул, а выпив, спрятал и стакан. Сел, положив руки на холодное стекло стола, исподлобья взглянул на собственное отражение в окне. Там, за стеклом, была уже глубокая ночь, огни в окнах погасли, город спал. Шел второй час ночи.

– Господи, господа, помоги мне сегодня, – чуть слышно пробормотал Овсов, опустив лицо в ладони. – Господи, господа, не оставь меня сегодня...

Вошла Валя с мокрыми снимками. Он всмотрелся в один снимок, расположив его у настольной лампы, взял второй, третий...

– Ни фиги себе...

– Похоже, у него не осталось ничего целого, – чуть слышно сказала Валя.

– Яйца-то хоть у него на месте?

– Кажется, да... И что к ним прилагается тоже.

– Все утешение, – и Овсов поднялся.

Он быстро шел по коридору, и его тяжелые шаги становились все тверже. Он не видел ни выглядывающих из палат больных, разбуженных полуночной суетой, ни жмущихся к стенкам дежурных медсестер, ни Вали, едва поспевающей за ним. Лицо его напряглось, седой пробор уже не выглядел таким четким, челка упала на лоб.

В операционной все было готово. Яркий свет, стол с возвышающимся посередине телом, инструменты, пожилая сестра с резиновыми перчатками. И единственный помощник – практикант, который, кажется, вот-вот брякнется в обморок.

– Знаешь анекдот? – спросил его Овсов. – Идет операция... «Скальпель! – командует хирург. – Тампон! Спирт! Еще спирт! Еще спирт! Огурец!»

Практикант стоял бледный и даже не улыбнулся. Он лишь сглотнул слюну и кивнул, давая понять, что все услышал, все понял.

– Как же тебя угораздило, бедного, – пробормотал Овсов, шагнув к столу. Он снова хотел встретиться взглядом с этим человеком, но глаза того были закрыты. Над ними нависала сорванная с головы кожа. – Ну... с богом, – вздохнул Овсов. – Поехали, девочки...

* * *

Когда Овсов, едва волоча ноги от усталости, добрал до своего кабинетика, в окно било яркое солнце. Было уже утро, и далеко не раннее утро. За больничным забором пронеслись переполненные троллейбусы с пассажирами на крышах, на трамвайной остановке стояла молчаливая и какая-то безнадежная толпа. Следом за Овсовым в кабинет вошла Валя. Она бессиленно опустилась на кушетку, некоторое время молча смотрела в тяжелую спину хирурга, склонившегося над столом, потом спросила:

– У вас там что-нибудь осталось?

– Поделюсь, – сказал Овсов. Рука его привычно скользнула в тумбочку, нашарила бутылку «Распутина» и извлекла ее на яркий дневной свет.

– Он умрет, Степан Петрович?

– Это меня не касается. Это одному богу известно. Спасет его только бог. Я что... Механик. Режу, пилю, зашиваю, зажимаю, вколачиваю гвозди... Действия простые, можно сказать, бездумные... – Овсов разлил водку в два стакана, один протянул Вале, из второго медленно выпил сам.

– Жалко будет, если умрет, – проговорила Валя, скривившись от водки. – Столько усилий, такая ночь...

– Потрудились сегодня славно... – согласился Овсов.

– Но сердце бьется!

– Да, – кивнул Овсов, думая о чем-то своем. – «И сердце бьется в упоенье, и для него воскресли вновь и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь...» Приблизительно так выразился один товарищ. – Овсов повернулся наконец к Вале. – Тут особенно и думать нечего... Если он все сделал на этой земле, если выполнил свою задачу, ту, ради которой он сюда, на землю, послан... То умрет. Если ему кое-что предназначено, если стоит перед ним еще какая-то задача... Выживет.

– А вы как думаете?

– По мне... Он не должен умереть. Слишком много затрачено усилий, чтобы его убить. Кому-то очень хотелось от него избавиться, кому-то он очень мешал своим присутствием на земле. А любое действие рождает противодействие. Равное ему по силе, а то и гораздо превосходящее. Ветер рождает бурю.

– Думаете, его хотели убить? Но это же автомобильная авария, Степан Петрович!

– А как понимать ножевую рану в спине? – Овсов укоризненно посмотрел на Валю.

– У него... рана в спине?

– Ее можно было и не заметить, но она есть.

– Потому и произошла авария?

– Нет... Удар нанесен после аварии. Его добивали.

– Добивали человека в таком состоянии?

– Действовали наверняка. Но у создателя были другие планы. И в результате он оказался на моем столе. Нашелся сердобольный водитель, который привез к нам эту гору мяса, я оказался почти трезвым, ты оказалась на месте... И сегодня... Валя, ты не представляешь, сколько раз мне сегодня просто повезло... будто не я делал эту операцию, а кто-то руководил мною. – Глаза Овсова были полны недоумения. – Я бы не смог все повторить... Опять же наш юный друг, этот практикант, умудрился не грохнуться в обморок... Какая-никакая, а все поддержка. Нет, – Овсов тяжело повел головой из стороны в сторону, – нет, тут все к одному, все говорит только об одном...

– О чем же все это говорит?

– Это говорит о том, что вступили в действие силы противоположного направления, – размеренно проговорил Овсов, глядя в пол с такой пристальностью, будто видел там какие-то признаки, подтверждающие его вывод.

– Ну и слава богу, – легко ответила Валя, чтобы хоть как-то оборвать этот тягостный разговор, полный недомолвок и странных намеков на высшие силы. Она смотрела на мир проще и не хотела усложнять его.

Бросив взгляд на бутылку и убедившись, что она пуста, Овсов спрятал ее в тумбочку. За окном неожиданно громыхнуло – по жестяному карнизу застучали редкие тяжелые капли. Начинался дождь. Солнце, еще совсем недавно слепившее и заливавшее кабинет безжалостным светом, скрылось, и теперь на улице установился какой-то полумрак. Говорить не хотелось, перед глазами все еще лежало растерзанное тело, которое они всю ночь пытались сшить.

– Разрешите? – Занавеска у входа отодвинулась в сторону, и в проходе показался румяный парень в черной кожаной куртке и великоватых зеленых штанах. Затылок его был выстрижен, короткий ежик поднимался надо лбом.

– Ну? – проговорил Овсов, предлагая посетителю объясниться.

– Я, конечно, извиняюсь, – бойко начал парень, входя в кабинет, – но дело в том, что меня попросили заскочить к вам, узнать...

– Что вы хотите узнать? – спросил Овсов, чувствуя смутную неприязнь к этому гостю. Что-то в нем настораживало, у него была цель, о которой он не хотел говорить, – именно это почувствовал Овсов.

– К вам вчера доставили пострадавшего, – парень вопросительно посмотрел на Овсова. – После дорожной аварии.

– Доставили то, что от него осталось, – хмуро ответил Овсов.

– Но он жив? – И опять в голосе парня прозвучала двусмысленность – он хотел узнать нечто такое, о чем не мог спросить открыто.

– Кто он? При нем не оказалось документов. Мы даже не знаем, кому сообщить, куда позвонить... Кто этот человек?

Странно было видеть, как бойкий, самоуверенный парень вдруг смешался. Валя смотрела на него с нескрываемым удивлением. Она хотела было что-то сказать, но Овсов успел жестом ее остановить.

– Видите ли, – заговорил парень, справившись с неловкостью, – я проезжал мимо, меня попросили заехать к вам и узнать о состоянии пострадавшего.

– Родственники попросили?

– Да нельзя сказать, что они родственники... Друзья.

– Они хотят его забрать? – спросил Овсов.

– А его можно забрать? – И в голосе парня прозвучало облегчение. Он понял слова хирурга как подтверждение того, что пострадавший умер.

– Когда угодно, – сказал Овсов и сделал небрежный жест рукой. Дескать, о чем говорить. – Когда угодно, – повторил он.

– Ну что ж, – парень попятился к двери. – Я так и передам.

– Кому? – жестко спросил Овсов.

– Ну... этим... Друзьям.

– Оставьте их телефон, мы позвоним и скажем, когда они могут приехать.

– Хорошо, – парень полез было в карман, но остановился. – Они сами позвонят. Спасибо. У них будет много хлопот... В таких случаях всегда много хлопот... До свидания.

– Вы не хотите записать мой телефон? – спросил Овсов.

– Да, действительно, – опять парень захлопал ладошками по карманам. – А впрочем, ваш телефон узнать нетрудно... В любой справочной. Всего доброго!

– Как будет угодно, – холодно ответил Овсов и отвернулся к окну, по которому уже хлестали сильные частые струи дождя.

Парень, пятась, вышел из кабинета, быстро пересек ординаторскую и вышел в коридор с явным облегчением. Он опасался продолжения разговора, не мог ответить на вопросы, которые здесь были просты и уместны.

– Станный тип, – проговорила Валя.

– Немного есть, – кивнул Овсов.

– Я так и не поняла, чего он хотел?

– Он хотел убедиться, что наш клиент мертв. За этим и приходил. Можно сказать точнее – его за этим и присылали.

– Вы думаете... он из них? Из тех, кто расправился с нашим больным?

– Черт его знает! – в сердцах ответил Овсов. – Но мне он не понравился. Ему хотелось знать, что клиент мертв. Я дал ему повод так думать.

– А я и не поняла, – беспомощно улыбнулась Валя.

– Я сказал, что нашего клиента можно забирать когда угодно. Он понял так, что можно забирать труп. И тут же сбежал, подпрыгивая от счастья. Ему больше ничего не требовалось. Ему же было сказано – больной не опознан. Но он не пожелал назвать его, дать телефон, не сказал, куда и кому сообщить...

– Станный тип, – повторила Валя.

– У меня такое ощущение, что нас ждет еще немало странностей. – Овсов поднялся со стула и пересел к Вале на кушетку. – Ну его к черту! Забудь. Мы свое дело сделали. И настолько хорошо, насколько сумели. Теперь можно и дух перевести. – Он положил плотную руку Вале на плечи, и она тихонько, почти неувидимо качнулась к нему.

* * *

Простояв у окна, Андрей вернулся в купе и забрался на вторую полку. За окном быстро темнело, жаркое украинское солнце прямо на глазах опускалось в бесконечные поля еще не

убранных подсолнухов. Когда совсем стемнело и свет станционных фонарей стал резко бить по глазам, Андрей затянул окно клеенчатой шторой. В купе установилась полнейшая темнота. В темноте было легче и засыпать, и думать. А единственное, о чем он думал последний год, это о собственном возвращении. Он представлял его много раз во всех подробностях, десятки раз поговорил со всеми, кого помнил, к кому стремился, с кем уже никогда не встретится. Каждый раз, когда в своих воспоминаниях он добирался до Светы, до тех печальных событий, которые произошли с ними год назад, словно какой-то несуразный ком застревал в душе, и тогда Андрея пугала сама мысль о возвращении – он опасался встретить Свету в городе. Да, это было. Зная, что она погибла, что похоронена, он тем не менее иногда всерьез думал о том, как неожиданно встретит ее на улице, в магазине, в парке. Она еще жила в нем, и он не мог ничего с этим поделать. Да, откровенно говоря, он и не стремился изгнать ее из своей души, из своих мыслей, даже наслаждаясь своими нездоровыми фантазиями.

Вначале он устроился на работу в автоколонну, где его тетка работала диспетчером, исправно выполнял свои обязанности, но дружбы ни с кем не заводил, в пьянках не участвовал. Пригнав машину в гараж и сдав ключи, тут же уходил домой. И было еще одно место, куда он торопился после работы, – секция каратистов. Вот там, в полуподвале пятиэтажки, он выкладывался полностью, доводя себя до изнеможения. Не существовало причины, из-за которой он мог бы пропустить занятие, уклониться от тренировки, позволить себе дольше поспать или раньше лечь. Учебные схватки, часто довольно жесткие, отвлекали его от прошлогодних событий, и он втянулся в этот образ жизни, привязался к нему, как к наркотику, который неизменно давал если не утешение, то забвение.

– К чему готовишься, Андрюша? – однажды спросил его тренер Станислав – человек с перебитым носом, с ушами, превратившимися в два сгустка хрящей, с печальными синими глазами.

– А что, заметно? – усмехнулся Андрей.

– Если спрашиваю, значит, заметно. Присаживайся, – Станислав похлопал узловатой ладошкой по мату, на котором сам сидел. – Дружбы, я смотрю, ты ни с кем не водишь, водку не пьешь, за девушками не ухлестываешь... Хочешь совет?

– Хочу.

– Остановись. Ты неплохо выглядишь, поднакачался, кое-чему научился...

– Нет, Станислав. Мое колесо уже покатилося, пусть катится.

– А в нашем городе надолго? – Станислав поглядывал по сторонам, словно и сам Андрей, и разговор не очень-то его интересовали. Так, сидим, обмениваемся словами, которые нас ни к чему не обязывают, потом разойдемся и забудем, о чем говорили. Такое примерно было у него выражение.

– Как получится...

– Ну что ж... – Станислав помолчал. – А всерьез... По-настоящему... этим делом, – он кивнул в сторону ребят, которые увлеченно швыряли друг друга об пол, – не хочешь заняться?

– Хочу.

Станислав поднялся, подошел к ребятам, бросил наземь одного, второго, что-то медленно показал – куда идет рука, куда клонится корпус, как взлетает вверх нога. А вернувшись к Андрею, как ни в чем не бывало произнес:

– Знаю одного китайца... Хороший мастер. Хиленький, тощенький, всем кланяется, извиняется... Но тронуть его, обидеть, оскорбить... Иногда он берет учеников... Но не с улицы. Могу поговорить о тебе... Хочешь?

– Да.

– Долларами берет.

– Пусть.

– У тебя они есть?

– Неважно, – Андрей передернул плечами, видимо, вопрос Станислава задел какую-то его болевую точку. – Если он берет доллары, он их получит.

– И ты не спрашиваешь, сколько берет? – Станислав посмотрел на Андрея с явным интересом.

– Не спрашиваю.

– Ты ему понравишься! – Станислав улыбнулся.

– Чем?

– Он разговаривает так же, как и ты. Без лишних слов.

– Когда пойдем?

– Подожди... Ты не представляешь, о чем я говорю... То, что ты получишь от китайца... Если, конечно, получишь... Очень опасно. Ты сделаешься опасным.

– Для кого?

– Хм... Для окружающих. Если станет известно, что ты брал у него уроки, занимался... Пригласят для разговора в какую-нибудь организацию, внесут в какие-нибудь списки, могут предупредить, предложить...

– Не станет, – сказал Андрей, не сводя глаз с ребят на жестком ковре.

– Что не станет? – не понял Станислав.

– Известно не станет.

– А! – И тренер, повидавший многое, со свернутым носом и с кистями рук, усыпанными хрящевыми наростами, делавшими кулак не то кувалдой, не то булавой, посмотрел на Андрея озадаченно. – Послушай... Ты недавно в нашем городе... Я не знаю, откуда ты приехал, что тебя заставило... но здесь не останешься.

– Это видно?

– Ты не заводишь связей. Я немного тебя узнал в этом зале, на этих матах... Мне бы хотелось верить, что ты с толком распорядишься оружием, которое тебе даст китаец... Что ты не станешь вышибалой, наемным убийцей...

– Не стану. – Андрей в упор посмотрел в синие глаза тренера, словно удивляясь, что приходится столь простые вещи повторять несколько раз.

– У тебя что-то случилось в жизни?

– Да.

– И ты еще там?

– Да.

– Хочешь расквитаться?

– Уже.

– А здесь... Скрываешься?

– Нет. Я же на работе, прописан... Со своими документами. Нет, я не скрываюсь. С этим у меня все в порядке.

– Это хорошо, – кивнул Станислав.

– Веди меня к своему китайцу, Слава... Все будет нормально.

– Готовь тысячу долларов.

Китаец Чан жил в маленьком частном домике с вишневым садом. Участок был огорожен забором, вдоль которого росли густые кусты, полностью скрывающие от прохожих и дворик, и сад, и все, что в саду происходило. Площадка для занятий была под деревьями, здесь же стоял плетеный столик с самоваром и банкой вишневого варенья. Под вишнями за этим столиком и сидели на следующий день Андрей, Станислав и Чан. Китаец пил чай вприкуску, улыбался, кивал головой. Был он лет пятидесяти, впрочем ему можно было дать и сорок лет, и шестьдесят. На нем была полотняная рубашка, свободные штаны и какие-то шлепанцы. Андрей с некоторым сомнением смотрел на худые, беспомощные руки китайца. Тот поймал его взгляд, улыбнулся виновато, успокаивающе положил свою смуглую ладонь на плечо.

– Когда начнем? – спросил Андрей, прерывая затянувшееся молчание – все пили чай, прихлебывали и шурились на мелкие лучики солнца, пробивающиеся сквозь вишневую листву.

– Сейчас, – ответил китаец и опять виновато улыбнулся.

– Деньги, – напомнил Станислав.

Андрей вынул из кармана десять зеленоватых бумажек и молча положил их на стол. Китаец с легкой небрежностью сдвинул деньги на край стола и продолжал пить чай. Взглянув на Андрея, он сказал, улыбаясь:

– Ты хороший человек... Я вижу... Не злой, не глупый, не спесивый... Это хорошо, – китаец успокаивающе похлопал Андрея по руке. И Андрей почувствовал, как что-то нахлынуло на него, он с трудом удержался, чтобы не расплакаться, даже вынужден был прикрыть глаза чашкой. Китаец уже без улыбки опять похлопал его своей смуглой ладошкой – все, дескать, в порядке. Он сделал неприметный знак Станиславу, и тот сразу же поднялся, оставив чашку, пожал руку китайцу, подмигнул Андрею и ушел.

Андрей и раньше замечал за собой слабость – он готов заплакать при самом невинном проявлении сочувствия к нему, поддержки. Он все еще находился во взвинченном состоянии, напряжение событий прошлого года не покидало его.

– Есть время, – сказал китаец, глядя в пространство вишневого сада, – и есть человек. И больше ничего нет. Время и человек.

Не зная, что ответить, Андрей согласно кивнул.

– Мертвые остаются с нами, – сказал китаец, глядя Андрею в глаза. – Они всегда с нами, – он невесомым движением ладошки сделал круг вокруг себя.

Андрей опять кивнул.

– Им нравится, когда мы помним их и думаем о них хорошо, – Чан испытующе посмотрел на Андрея, словно желал убедиться, что тот слышит его, понимает, согласен с ним. – Им нравится, когда мы живем хорошо. – Чан замолчал, решив, видимо, что для первого раза сказал достаточно.

– А что значит жить хорошо? – спросил Андрей.

– Жить хорошо? – Китаец чуть шевельнул почти незаметными бровями. – Не ссориться с собой, не обижать себя, не обманывать себя... Это им нравится.

Андрей опять промолчал, не чувствуя себя готовым к такому разговору. И что-то подсказало – китаец прав, он произнес слова, которые ему хотелось услышать.

– Пошли, – сказал Чан. – Тебе надо переодеться.

Занятия начались немедленно и продолжались три месяца. Андрей даже не заметил, как промелькнуло жаркое лето, как наступила осень, сухая, ясная, теплая осень украинских степей. Китаец потребовал, чтобы Андрей приходил к нему через день, но обязательно. Пришлось уволиться с автобазы, поскольку дальние рейсы не позволяли выдерживать это условие. Когда закончились три месяца, он отнес китайцу еще тысячу долларов, и занятия продолжались. Но теперь уже каждый день. Андрей чувствовал, что меняется. Он стал сдержаннее, невозмутимее, спокойнее. Чай перед занятием и немногословные откровения китайца были не просто приятны, они стали необходимы, и Андрей уже с утра думал о том, как он приедет в вишневый сад, как они с Чаном выпьют чаю, посидят молча, как Чан скажет что-то новое или продолжит вчерашние свои слова. Однажды, когда Андрей опаздывал и вбежал в сад запыхавшись, он увидел, что китаец уже сидит на своем месте, пьет чай из блюдечка и смотрит черными глазами в ясное украинское небо.

Андрей поклонился, поздоровался, сел напротив.

– Опоздал немного, – сказал он.

– Опоздал, потому что торопился, – ответил китаец. – Не надо торопиться. За временем не угонишься. Уходит автобус – пусть уходит. Это не твой автобус. Улетает самолет – пусть летит. Это не твой самолет. Уходит девушка – пусть идет. Это не твоя девушка.

- А если умирает девушка? – неожиданно спросил Андрей.
- Значит, она не уходит, – Чан твердо посмотрел Андрею в глаза. – Она остается.
- Со мной?
- С тобой.

Андрей невольно оглянулся, но, кроме трепещущих на земле и в листве солнечных бликов, ничего не увидел. И, смешавшись, поднял к лицу чашку.

– Она здесь, – сказал китаец чуть слышно. – Я ее вижу. Ты мне не веришь? – спросил он, поймав ускользающий взгляд Андрея. – Тебе сказать, какая она?

– Да.

– У нее длинные рыжие волосы. На ней синие джинсы и полотняная куртка с «молниями»...

– Она что-нибудь говорит?

– Молчит, – сказал китаец, глядя в вишневую листву.

– Зачем она здесь? – Андрей спросил, не поднимая глаз от стола, – он боялся столкнуться взглядом со Светой.

– Ты сам ее вызвал. Все время вызываешь... Не отпускаешь...

– Это плохо?

– Для тебя плохо.

– Она хочет, чтобы я ее отпустил? – в голосе Андрея невольно прозвучала обида.

– Нет, – ответил китаец.

– Как же мне быть?

– Живи, – ответил Чан, и Андрей понял, что продолжать этот разговор не следует, что подсказывало – остановись. Но он не мог не задать еще один вопрос.

– Скажи... Ты можешь научит меня видеть подобные вещи?

– Да, – помолчав, ответил китаец. – Но это слишком...

– Дорого? – уточнил Андрей.

– Нет. – Китаец сделал отбрасывающий жест рукой, словно его заподозрили в чем-то недостойном. – Это слишком долго, опасно, потребует много жертв от тебя. Ты молод, тебе рано видеть... И потом... должно быть позволение высших сил, – закончил китаец.

– Как я буду знать, что такое позволение есть?

– Если позволение будет, ты узнаешь. Однажды проснешься и почувствуешь – можно. А если спрашиваешь, значит, рано. Собираешься уехать? – неожиданно спросил Чан.

– Откуда ты знаешь? – изумился Андрей.

– Поезжай, – с какой-то отстраненностью произнес китаец, закрыв глаза. По лицу его скользили солнечные зайчики, пробивающиеся сквозь листву. – Пора.

– Я привык к тебе...

– Это хорошо.

– Мы еще увидимся?

– Ты опять приедешь сюда... Застанешь меня живым или мертвым, но увидимся, – произнес китаец странноватые слова и улыбнулся виновато.

* * *

За неделю Андрей собрался, купил билет, попрощался с теткой и выехал в свой город. И теперь, глядя со второй полки на знакомые пригороды, почувствовал, что все еще не избавился от оцепенения в душе. Без радости возвращался, настороженно, с опаской. Его никто не встречал, он не сообщил о своем приезде даже матери. В купе молча собрался, кивнул попутчикам и вышел на перрон. Домой отправился пешком. И, проходя квартал за кварталом, словно здоровался с городом.

Едва позвонил в дверь, мать открыла тут же, словно стояла и ждала его. Она припала к груди и на какое-то время замерла.

– Ну и слава богу, – проговорила наконец. – И слава богу... И ладно. И хорошо.

Андрей бросил на вешалку куртку, сумку оставил на полу, присел к кухонному столику.

– Как тут у вас?

– Все хорошо, Андрюша, все хорошо.

– Никто не искал, никто не звонил, никому я не нужен?

– Вроде не звонили... Все знают, что тебя нет в городе... Чего звонить...

– Опустел, значит, город, обезлюдел.

– Не скажи... Такие толпы по магазинам носятся – того и гляди затопчут! А знаешь... – обернулась мать от плиты, – был звонок... Совсем недавно... Как же он назвался? Тут у меня записано на календаре... Вот, Павел Николаевич. Знаешь такого?

– Встречались.

– Он хороший человек?

– Надеюсь. Ничего не передавал?

– Спросил, когда возвращаешься.

– А ты?

– Не знаю, говорю... Я ведь и в самом деле не знала, когда приедешь... Предложила ему оставить телефон – отказался. Сказал, что ты знаешь, как его найти.

– Найду, – обронил Андрей.

– А больше вроде никто не звонил. – Мать попыталась продолжить разговор, но Андрей замолчал.

А уже вечером, погуляв по городу, начав потихоньку привыкать к нему, набрался наконец решимости позвонить родителям Светы. Он понимал, что звонить все равно придется, и чем быстрее это сделать, тем лучше. Иначе он будет думать только об этом звонке, только к нему готовиться, только его опасаться. Дождавшись, когда мать выйдет на кухню, он набрал знакомый номер. Трубку поднял отец Светы, и Андрей поразился перемене – его голос был почти старческий.

– Здравствуйте, Сергей Николаевич... Это Андрей.

– Андрей? Простите... Какой Андрей?

– Не узнаете, Сергей Николаевич?

– А... Теперь вот узнал. – На другом конце провода наступило молчание, и чем дольше оно тянулось, тем становилось тягостнее. Андрей понял, что разговора не получится.

– Я только сегодня приехал... И вот решил позвонить...

– Понятно... Проветрился, значит, немного, развеялся... Спасибо, что не забыл, очень приятно.

– Как я мог забыть, Сергей Николаевич!

– Вот и я говорю... Только вот что, Андрей... Не надо больше звонить. Знакомство исчерпано, воспоминания, связанные с тобой, радостными не назовешь... Живи себе. – Из трубки послышались частые короткие гудки.

Андрей осторожно положил трубку на рычаги и остался неподвижно сидеть у телефона. Ничто не изменилось в его лице, во взгляде, в позе. Человек, взглянувший на него со стороны, увидел бы лишь невозмутимость Андрея, спокойствие, хотя точнее было бы назвать это состояние какой-то окаменелостью. Этому он научился у китайца. Радость ли у тебя, горе, испуган ты, подавлен, торжествуешь победу – твои чувства пусть клопочут внутри. Единственное, по чему можно было догадаться о волнении Чана, – он вскидывал голову, словно подставляя лицо под удары, от которых не уклонялся, которыми скорее упивался. И вот сейчас, услышав короткие гудки, положив трубку на рычаги, Андрей незаметно для самого себя вскинул подбородок. Бейте, дескать. Заслужил.

Был ли он потрясен разговором, обескуражен, сражен? Нет. Более того, наступило горькое удовлетворение. Незаслуженная обида всегда освобождает человека для действий свободных и раскованных. Он сделал то, что считал необходимым, он позвонил, и только он один знает, чего ему это стоило, он произнес слова, которые казались ему уместными. Он сделал свое дело. С ним не пожелали разговаривать? Как будет угодно.

– Пей до дна, – говорил в таких случаях Чан. – Ты должен выпить до дна любую чашу, которую тебе подносит судьба. Вино это, молоко или яд – пей. Горе, обида, бедность, отчаяние – пей до дна. И если судьба дарит любовь, дарит радость, самую малую, радость утреннего пробуждения, радость при виде восхода солнца или отблеска луны на вишневых листьях – пей до дна.

Андрей не раз убеждался, что китаец прав. И не стремился смягчить себе боль, уйти от неприятного разговора, уклониться от опасной встречи. Все, что предлагала ему судьба, он выпивал до дна, спокойно, смиренно.

Едва ли прошло более получаса после разговора с отцом Светы, и он снова набрал номер – позвонил Пафнутьеву. Но за прошедший год его номер изменился, пришлось объясняться с секретаршей, набирать еще номер, еще... И наконец в трубке прозвучал почти забытый голос следователя.

– Павел Николаевич? Здравствуйте... Это Андрей.

– Какой Андрей?

– Тот самый, – ответ невольно получился излишне самоуверенным, но не подвернулось других слов, да Андрей и не знал, как объяснить, кто он такой – он еще не пришел в себя после предыдущего разговора.

– Да? – Пафнутьев задумался, помолчал, что-то подсказывало ему, что трубку бросать не следует. И вспомнил. – Андрей? Это ты? Елки-моталки, как давно я тебя не видел!

– Сегодня приехал, – Андрей облегченно перевел дух – он опасался, что и здесь получит разворот.

– Из-за границы?

– Да... С Украины.

– Как Украина?

– Хиреет.

– Ну что ж, – раздумчиво произнес Пафнутьев. – Зато свое государство. И никто не заставляет москалям поганым сало отдавать.

– Сами отдают, – усмехнулся Андрей. – Все поезда забиты бабками с салом.

– Да? – удивился Пафнутьев. – Ну да ладно... Какие планы?

– Никаких. Мама сказала, что вы звонили, вот я и решил, что...

– Молодец! Повидаемся?

– А надо ли?

– Старик! Я тебя не узнаю! Разве нам не о чем поговорить?

– А разве есть? – Андрей все еще опасался безразличия Пафнутьева.

– Да! – закричал в трубку следователь. – У нас с тобой прекрасный повод для встречи! У нас куча незаконченных дел!

– Какие дела? – Андрей растерялся от неожиданности. – Разве они не закрыты? – голос его дрогнул, и Пафнутьев понял, что парень до сих пор опасается последствий прошлогодних событий.

– Старик, слушай меня внимательно, – размеренно заговорил Пафнутьев. – Прошлый раз, когда мы встречались с тобой на природе, помнишь? Так вот, я дал тебе слово или, скажем проще, – обещание, кое с кем разобраться.

– Помню.

– Обещания я не выполнил. Виноват. Но и не отказался от него. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Да.

Только после общения с китайцем Андрей понял, насколько полны смыслом самые простые слова – «да» и «нет». Люди нередко произносят сотни умных, тонких, многозначительных слов с одной целью – не обронить одно из этих коротеньких слов. И вот Андрей, оценив их силу, частенько даже злоупотреблял ими, но никто не возражал, потому что действительно просто разговаривать с человеком, который может вот так легко сказать – да или нет. Сразу обнажается суть разговора и суть взаимоотношений.

– Мы продолжаем наши игры? – спросил Пафнутьев.

– Да, – сказал Андрей.

И Пафнутьев даже рассмеялся от удовольствия.

– Какой же ты молодец! Ты тверд в своем решении?

– У меня нет других дел.

– На этой земле? – улыбнулся Пафнутьев.

– Да.

– Ну, старик, ты даешь! Ты не стал разговорчивее. Но это хорошо. Столько вокруг развелось пустобрехов... Старикам Светы не звонил?

– Звонил.

– Это правильно. Поговорили? Как они?

– Отшили.

– Это они напрасно.

– Нет, все правильно. Со мной им нельзя иначе. Я для них как дурное привидение из прошлой жизни. Гнать меня надо и креститься после этого.

– Ладно, Андрей... Не кори себя, разберемся. Нам со многим надо разобраться.

– Я правильно понял – мы продолжаем?

– Не так круто, конечно, как в прошлом году, но... Направление прежнее.

– Круто не круто... Жизнь покажет, Павел Николаевич.

– Жду тебя завтра утром, – уклонился Пафнутьев от уточнения. – Кабинет у меня другой, но ты парень сообразительный, найдешь. Тем более что табличка на дверях.

– Приду, – сказал Андрей.

Положив трубку, он остался сидеть у телефона, наслаждаясь чувством облегчения, которое охватило его после разговора со следователем. Последнее время Андрея угнетала странная скованность – вернувшись в свой город, он чувствовал себя не просто чужим, а отторгнутым, чуть ли не проклятым. Теперь же все встало на свои места. Есть человек, который ждет его, который придаст смысл его жизни. И было еще одно обстоятельство – этот человек был из его прежней жизни. Только там, на Украине, он в полной мере осознал то, что сделал для него Пафнутьев. Андрей даже представить себе не мог, как тому удалось вывести его из уголовного дела, как удалось завершить это дело, отпустив на свободу преступника, уложившего нескольких человек. И то, что следователь не бросил трубку, а, более того, охотно поговорил, пересыпая разговор радостными криками, успокоило Андрея. Все хорошо, все идет как надо, и он, Андрей, должен быть чистым, надежным и смиренным. Это он вынес из общения с китайцем Чаном – надо быть чистым, надежным и смиренным.

* * *

Осень наступила раньше обычного, но, словно убедившись в своей силе, не торопилась все подчинить и во все вмешаться. Дни стояли прохладные, но солнечные и сухие. Листва желтела, оставаясь на деревьях, и солнечные лучи, пробивающиеся сквозь красные, оранже-

вые, желтые листья, казались теплыми, и вообще в природе установилась атмосфера какого-то благодушия. Проходили дни за днями, погода не менялась, и лишь изредка короткие дожди освежали воздух и листву.

Криминальная обстановка в городе оставалась постоянной, без больших перемен. Ежедневно угоняли десятки машин, находили две-три, да и то лишь те, которые похитили школьники младших классов, чтобы покататься и пошалить. Едва начинало темнеть, улицы и электрички быстро пустели и гость, нерасчетливо задержавшийся до восьми, до девяти вечера, оставался ночевать у хозяев, не решаясь воспользоваться транспортом. В электричках наутро находили отрезанные головы, в оставленных рюкзаках – руки, ноги, на обочинах – остальное. Поймали несколько людоедов. Один питался исключительно девочками, второй предпочитал любовниц. Отощавшие пенсионеры, роясь по утрам в мусорных ящиках, находили мертвых младенцев в целлофановых мешках – юные мамы избавлялись от детей с какой-то остревелостью, а пойманные за руку, дерзили в телекамеры, злобно смеялись, истерично рыдали, объясняя все беспросветностью своего существования – они не могли купить себе ни японского телевизора, ни турецкой кожаной куртки, не могли поехать на Канарские острова и посетить солнечную Грецию. А без этого жизнь казалась им пустой, дети – обузой, прохожие – врагами. Рыночные отношения безжалостно наступали на простодушную нравственность древнего народа. Президент время от времени исчезал на неделю-вторую, появлялся на телеэкранах с заплаканными глазами и говорил о великой дружбе с великой Америкой. Политические его недоброжелатели сидели в тюрьмах, а мордатые соратники обещали через два-три года падение страны замедлить.

Шел 1993 год.

* * *

Задача каждого была определена заранее, и каждый не один раз опробовал все, что от него требовалось. Поэтому все выполнялось четко, быстро, без суеты и неразберихи. Сынوك должен был вскрыть дверь – это главное. Причем дверь должна быть вскрыта не только без шума, не только быстро, но и без повреждений, иначе будет испорчен товарный вид машины, потребуются новые расходы на ремонт и покраску, а многим покупателям это не нравится, многие попросту опасаются машин с подобными повреждениями, несмотря на безукоризненные документы.

Внешность Сынoka ни у кого не вызвала подозрений. Был он невысокого роста, выглядел тщедушным, если не сказать хилым, а его чистое тонкое лицо с печальными глазами неизменно вызывало доверие всех, к кому он обращался. Но Сынок был непревзойденным мастером по вскрытию запертых автомашин, и не смущали его никакие хитроумные запоры, сигналы, сирены. Они скорее тешили его и возбуждали любопытство. Дружбы он ни с кем не водил, с остальными общался в минуты крайней необходимости и появлялся в группе за несколько минут до угона, а получив свою долю, исчезал.

Когда Сынок распахивал дверь, за руль тут же бухался Юрик – крупный, длинноволосый, причем волосы его были собраны на затылке в пучок, скреплены кожаным шнурком, а глубоко посаженные глаза, трепетные ноздри и нависший лоб еще более делали его похожим на известного певца Малинина. Похоже, Юрик сам прилагал усилия, чтобы подчеркнуть сходство – и девушек это страшно возбуждало, да и самому нравилось, придавало значительность.

Когда Юрик оказывался за рулем, Сынок уже должен был сидеть справа – в его обязанности входило помочь завести мотор. Если все шло нормально, по плану, вдвоем они и скрывались на машине. Но если возникали сбои, появлялось препятствие, в дело вступал Борис по кличке Боксер – коротко остриженный, с ежиком надо лбом, в черной куртке и зеленых штанах на вырост. Милиция, прохожие с неуместной своей участливостью, неожиданно возник-

ший хозяин – все это лежало на нем. Отшить, успокоить, прикинуться простачком и направить погоню по ложному следу.

И только в самом крайнем случае, при явной угрозе срыва всей операции, должен появиться Амон, устранить помеху и исчезнуть. Амон был небольшого роста, но широкоплечий, одевался во все черное и сам был смуглый, с настороженным взглядом, с редковатыми, но крепкими зубами. Его побаивались даже свои, опасаясь произнести нечто такое, что ненароком зацепит его, обидит, а когда обижается Амон, что его зацепит – предсказать было невозможно. Уже начало темнеть, и желтоватые осенние сумерки сгустились между домами. Первым появился Амон. Медленно прошел вдоль дома, где, по всей видимости, и жил хозяин машины, обошел двор и, не найдя ничего настораживающего, расположился на скамейке, закинув ногу на ногу. Рядом молодой папаша в полотняной куртке возился с дитем. Ухватившись за указательный палец отца, малыш в сером комбинезончике и вязаной шапочке усердно вышагивал вдоль скамейки, сосредоточенно глядя себе под ноги.

– Закурить не найдется? – спросил молодой отец, проходя мимо Амона.

– Не курю, – ответил тот, глядя в сторону.

– Это правильно, – парню, видимо, хотелось поговорить. – Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрет, – рассмеялся он.

– Помрет, – кивнул Амон, не очень-то вникая в слова – он был озабочен появлением Сынка и Юрика. Те, не торопясь, шли по дорожке вдоль дома, приглядываясь к стоявшей у торца дома серой «девятке».

– Володя! – раздался из окна звонкий женский голос. – Идите домой! Хватит гулять! Ужин стынет!

Отец и малыш одновременно подняли головы и улыбнулись – это их звали.

– Идем! – крикнул папаша, подмигнув Амону – извини, дескать. – Начальство зовет, – улыбчиво пояснил отец, показав пальцем вверх, не то на пятый этаж дома, не то в осеннее небо.

Амон не ответил, неотрывно глядя на возню Сынка и Юрика у машины. И папаша, не услышав отзыва на свои слова, обернулся и, увидев, как напряженно Амон смотрит в кусты, тоже взглянул туда. Он не сразу понял, что происходит, а когда до него дошло, что идет угон, что вскрывают машину, он, не раздумывая, оставив малыша на дорожке, бросился к машине.

– Елки-моталки! – успел крикнуть он Амону. – Машину угоняют!

Когда он подбежал к машине, Юрик уже сидел за рулем, а Сынок справа от него. Парень рванул дверь на себя и с какой-то необыкновенной ловкостью выволок Юрика из машины. Тот не успел ничего сообразить, как получил сокрушительный удар в челюсть и тут же рухнул в желтую листву. После этого парень с той же легкостью выволок из машины и Сынка. К ним бросился из кустов Боксер, но, получив сильный удар ногой в живот, не успел ничего предпринять. Парень действительно оказался бойцом. Пока Боксер сипел, согнувшись пополам, пока медленно поднимался, приходя в себя, Юрик, пока дергался Сынок в сильных руках парня, со скамейки раздумчиво поднялся Амон и неторопливой, тягучей походкой направился к месту схватки. Какая-то замедленность, если не леность, была во всех его движениях. Ухватив покрепче вырывающегося Сынка, парень обернулся и увидел Амона.

– Видал, ловкачи! – весело крикнул он. – У соседа решили «девятку» угнать. Сейчас мы с ними разберемся!

– Разберемся, – проговорил Амон чуть слышно, скорее про себя, и, приблизившись к парню сзади, крикнув, всадил ему нож в спину чуть выше пояса. Для верности он еще и провернул его там, во внутренностях, и выдернул. Подхватив Сынка из слабевших рук парня, Амон швырнул его к машине. Сынок упал прямо на сиденье и тут же начал возиться с ключом зажигания. Приковылял к машине и бухнулся на заднее сиденье все еще согнутый пополам Боксер, неуверенно сел рядом с Сынком Юрик.

Парень умирал на глазах. Известково-серая бледность покрыла лицо, жизнь из него уходила в какие-то секунды. Амон чуть сонно взглянул на него, хотел было нанести еще один удар, но передумал, в этом уже не было надобности. Он лишь наклонился, поднял полу куртки и тщательно вытер свой нож. Еще раз обернувшись на умирающего, он все с той же ленцой подошел к машине, уселся на заднее сиденье и захлопнул дверцу. В зеркало он видел, как к мертвому подошел сынишка и улыбочиво начал дергать его за куртку, решив, что отец хочет поиграть с ним.

– Спокойнее, Сынок, – сказал Амон, откидываясь на спинку и закрывая глаза. – Не надо так сильно волноваться. – Весь его вид производил впечатление страшно уставшего человека. – А то машина не заведется.

– Ты свое сделал? – оскалился Юрик, сидевший рядом с Сынком. – Вот и сиди. И не воняй!

– Воняешь ты, – чуть раздвинулись в улыбке губы Амона. – Из штанов вонь идет... Не забудь сменить, когда приедем...

– Знаешь что?!

– Скорость превышать не надо. – Амон так и не открыл глаз. – В городе скорость не должна превышать шестьдесят километров в час.

– Заткнись, Амон.

– Откуда появился этот тип в куртке? – спросил молчавший до сих пор Боксер. Он наконец отдышался и смог заговорить.

– Сосед, – ответил Амон. – Он не должен был появиться.

– А ты зачем? – спросил Юрик, остывая. Машина к этому времени выехала на проезжую часть, влилась в общий поток и уже не вызвала подозрений.

– Если я появляюсь, значит, подготовка была плохая, – сказал Амон. – Значит, кто-то плохо сделал свое дело. Время выбрано неправильное, много выпили вечером, много мяса кушали, много девочек щупали... Дело сделай – потом щупай, – он опять улыбнулся, показав редковатые зубы.

– Мы бы и сами справились... Ты не должен был появляться... А теперь – мокруха... С шефом будешь разговаривать сам.

– Моя плохо говорит, – улыбнулся Амон, сознательно коверкая слова. – Моя молчать будет. Твоя будет говорить с шефом. Твоя будет улыбаться, извиняться, руки в стороны разводить... Моя спать будет.

– Ты его убил?

– Думаю, да.

– Зачем?

– Сильно машина хорошая.

– Я спрашиваю – убивать зачем?

– Моя не знает. Ножик спроси. Твоя не знала, что у меня ножик в кармане? Твоя думала, у меня член в кармане?

– Похоже, что у тебя и в голове, кроме члена, ничего нет, – ответил Юрик зло и тут же пожалел об этом. Он надеялся, что Амон не заметит оскорбления, но Амон все замечал, особенно оскорбления. И не прощал. Он мало говорил, и поэтому никогда нельзя было знать наверняка, что он услышал, что понял, как к чему относится.

– Нехорошо говоришь, – сказал Амон после долгого молчания. За это время машина остановилась перед красным фонарем светофора, снова двинулась, снова остановилась, и лишь тогда в наступившей тишине Амон произнес свои слова. – Нехорошо говоришь, – повторил он чуть тише. – Моя обиделась.

– Перестань, Амон, – Боксер легонько похлопал его по коленке. – Мы все свои ребята, заняты одним делом, чего обижаться? Сегодня у него слово сорвалось, завтра у тебя...

– У меня слова не срываются, – Амон опять перешел на правильный язык. – У меня другое может сорваться.

– Это что же? – беззаботно улыбнулся Сынок.

– Моя молчит. Моя устала.

– Приехали, – сказал Юрик, подвигав плечами, поправив пучок волос на затылке.

Машина ехала по дороге, расположенной на возвышении, а внизу простиралась бесконечная, чуть ли не до горизонта чешуйчатая поверхность гаражей красновато-ржавого цвета. Прошел мелкий осенний дождь, и чешуинки крыш поблескивали в желтоватом свете заката. Гаражи были изрезаны бесконечными проездами, тупиковыми переулочками, к некоторым гаражам тянулись дорожки, полные осенней грязи, кое-где успели проложить асфальт, кое-где уже успели его разьесть. В это железное скопище въезжали через десятки ворот, через сотни мест можно было из него выехать. Никто не знал наверняка, сколько здесь машин, сколько гаражей, что здесь происходит и кто обитает. Здесь нетрудно было спрятать сотню машин, и никто бы никогда не смог их обнаружить. По некоторым дорожкам выезжали проржавевшие «Мерседесы», по другим въезжали новые «девятки», по третьей волокли обглоданный скелет «Волги», и во всем чувствовалась непрекращающаяся напряженная жизнь. Когда стемнело, во многих гаражах стали заметны вспышки электросварок, слышался надсадный вой мощных моторов, визжали шлифовальные круги, время от времени раздавались гулкие удары кувалды.

Это могло показаться странным новому человеку, но с наступлением темноты вся эта деятельность не только не затихала, а, кажется, приобретала еще больший накал, какую-то судорожную спешку. На незнакомых смотрели подозрительно, долго уточняли и переспрашивали, кто нужен, зачем, по какому поводу, и, только убедившись в полной безвредности человека, немногословно объясняли, как найти шустрого жестянщика, где обитает маляр, который к утру перекрасит машину в любой мыслимый цвет, где найти колесо к «Опелю», карбюратор к «Вольво», где можно купить водки, познакомиться с девочкой, продать доллары, получить визу в Польшу или в Литву...

«Девятка», некоторое время переваливаясь с боку на бок, пробиралась узким проездом, останавливалась, ожидая, пока закроют ворота гаражей, иначе невозможно было протиснуться в узком проезде, потом уперлась в железные ржавые ворота на замке. Боксер, выскочив из машины, быстро открыл замок, распахнул ворота, а едва «девятка» протиснулась в них, тут же снова повесил замок на место. Вязкая жижа, покрывавшая дорогу, тут же затягивала все следы, и установить, когда последний раз проехала здесь машина – час назад, год назад, – это уже было невозможно. Боксер снова прыгнул в машину, и она двинулась дальше, въехала в улочку пошире и продолжала пробираться неслышно, с одними лишь тусклыми габаритными огнями, и наконец скользнула в какой-то ржавый мятый гараж. Ворота тут же закрылись, громынули в петлях два лома, запершие их намертво. Несмотря на неказистый вид снаружи, гараж внутри был на удивление обустроен – достаточный свет, освещенная яма, стеллажи вдоль стен, под потолком балка с передвигающимся подъемником. И все было в прекрасном состоянии – чистое, смазанное, действующее. В задней стенке гаража виднелась дверь, и из-под нее выбивался яркий свет – видимо, там было еще одно помещение, более благоустроенное.

Машину ждали несколько человек. Едва она остановилась над ямой и все сидевшие в ней тут же удалились через железную дверь в соседнее помещение, ожидавшие, вооруженные отличным инструментом, немедленно принялись за дело. Это были настоящие мастера, профессионалы в нелегком своем промысле. Они были трезвы, выбриты и молчаливы. Приподняв машину на четырех домкратах, они тут же свинтили все четыре колеса. Вряд ли на это ушло более трех минут. За несколько минут были сняты и все четыре дверцы. Машина обнажалась прямо на глазах, превращаясь в беспомощный и какой-то жалкий скелет. Без колес, без дверей, со снятым капотом, свинченными фарами, она выглядела так, словно ее обглодало какое-то чудовище. Все, что снималось с машины, тут же через незаметную дверь выносилось из гаража

и укладывалось на прицеп. Через десять минут, когда на него погрузили сиденья и закрепили их уже подготовленными тросами, его подсоединили к подошедшему «Москвичу», и он тут же отбыл, словно провалился в темноту. Когда через полчаса «Москвич» с прицепом подъехал к гаражу, на него с помощью лебедки погрузили мотор «девятки». Все стеклянные, электрические, пластмассовые детали, приборы, счетчики, датчики были аккуратно упакованы в картонные коробки и тоже загружены в прицеп.

За все это время ни один из рабочих не закурил, не отошел в сторону отдохнуть, не произнес ни единого слова. Вряд ли прошло больше часа с того момента, когда «девятка» въехала в это помещение, но теперь над ямой на четырех домкратах стояла лишь рама – все, что осталось от роскошной «девятки» цвета мокрого асфальта. В третий заезд на прицеп погрузили и раму. «Москвич» тут же выехал с освещенного пятачка и растворился в темноте.

«Девятки» не стало.

И в тот момент в соседнем с гаражом помещении, в котором на диване и в двух креслах расположились угонщики, зазвенел телефон. Трубку поднял Юрий.

– Как дела? – прозвучал негромкий спокойный голос.

– Все в порядке.

– Есть проблемы.

– Амон...

– Знаю.

– Погорячился немного...

– Знаю! – раздраженно повторил голос. – А сейчас как?

– Вроде заканчивают ребята.

– Товар?

– Все сдали.

– Хорошо. Зайди ко мне сегодня.

– У нас ведь на вечер еще одно мероприятие...

– Вот после него и зайди.

– Амон идет с нами?

– Нет.

– Дать ему трубку?

– Не надо. Он тебе поверит.

– Он сегодня вообще мог бы и не возникнуть! С ним уже становится страшно разговаривать. Если так и дальше пойдет...

В трубке раздались частые гудки – собеседник прекратил разговор. Юрий недовольно повертел трубку перед глазами и с силой вдавил ее в рычаги. Обернувшись, увидел откинувшегося на диване Амона. Тот улыбался с закрытыми глазами.

– Нехорошо стучать, дорогой, – проговорил Амон.

– Отдыхай, дорогой, – ответил Юрий. Выйдя в гараж, он увидел лишь торчащие у ямы домкраты. Он всегда поражался мастерству механиков. – Через часок-второй опять можем подъехать, – сказал он.

– Подъезжайте, – сказал механик постарше и плотно прикрыл дверь, из которой выбивался свет. – Амон с вами?

– Шеф сказал, что может отдохнуть.

– Тогда ладно... – Механик облегченно вздохнул. – Не брали бы вы его вообще.

– Почему? – Юрий присел на деревянный брусочек.

– А! – Слесарь махнул рукой, опасливо покосился на дверь. – Помощи никакой, одна кровяшка. Из-за него по ножу ходим... Одно дело – угон, другое – убийство.

– Шефу виднее.

– Ничего ему не виднее! Смотрите, ребята... А то знаешь, поговорка есть про веревочку, которая вилась-вилась да и оборвалась. Слышал?

– Ладно, хватит. Как говорит наш лучший друг Амон, моя твоя не понимай – иди к ядерной матери!

С ржавым душераздирающим скрипом дверь медленно открылась, и в светлом квадрате возникла низкорослая, широкоплечая фигура Амона. Он некоторое время молча смотрел на яму, на стеллажи, на которых остались лишь инструменты, потом его сонный взгляд скользнул в сторону Юрика, переместился дальше и наконец уперся в механика.

– Нехорошо говоришь, дорогой. Не надо больше так говорить.

– А как надо? – взвился тот.

– Как хочешь, дорогой. А так – не надо. Моя обижается.

Амон отступил на шаг в комнату, и дверь за ним с тем же невыносимым скрипом закрылась. Повернувшись к механику, Юрик развел руки в стороны – вот так-то, дескать.

* * *

Была уже глубокая ночь, часов около одиннадцати. Город в это время становился совершенно пустым. Засидевшиеся в гостях люди оставались на ночь, не решаясь выйти на улицу. И не осень была тому виной, не прошедший дождь, не похолодание – люди боялись за свою жизнь. Газеты каждый день сообщали о десятках квартирных краж, об убийствах и изнасилованиях, о перестрелках в центре города с применением автоматов, пулеметов, гранат. Обстановка мало чем отличалась от фронтовой или, уж во всяком случае, от оккупационной. К восьми вечера можно было встретить лишь загулявших приятелей да юнцов, которые по молодости и по глупости все никак не могли поверить, что и с ними может случиться что-то неприятное. Радость жизни оказывалась сильнее предосторожности и доводов разума, но это продолжалось недолго – до первого ограбления, до первого изнасилования, до убийства человека, которого хорошо знал. Частники на машинах проносились без остановок, и не соблазняли, не трогали их сердца ни красотки в шубейках, ни старички с кошелками, ни мамыши с детишками – все это могли быть подсадные утки, специально выставленные, чтобы заставить водителя остановиться. А потом обычное сообщение в уголовной хронике – выехал и не вернулся. Среднего роста, средних лет, среднего телосложения...

Юрик шел чуть впереди, и его длинная изломанная тень путалась в ногах у Боксера и Сынка. Потом фонарь оказывался позади, и теперь уже Юрик топтал тени своих приятелей. Шли, не разговаривая, внутренне готовясь к тому делу, ради которого и вышли в это время. Не в самое лучшее время – к ночи повышалась бдительность владельцев машин, бдительность милиционеров, которые разъезжали на машинах по несколько человек, не решаясь показываться в одиночку. Были вооружены они короткими десантными автоматами, переговаривались по рации, напряженно вглядываясь в темноту и каждый момент ожидая нападения – такие автоматы хотели бы иметь многие.

Последнее время люди разобрались в старых «Мерседесах» и «Опелях», покатались на них и успокоились – потянуло к отечественным «жигуленкам». И рэкетиров нечего дразнить собственным благополучием, да и починить всегда можно в случае какой-нибудь дорожной незадачи. А происшествий становилось все больше, атмосфера на дорогах устанавливалась прямо-таки грозная. Грузовики в открытую охотились за легковушками, явно отдавая предпочтение иностранным моделям, поддавали их из шалости и озорства, от хорошего настроения и дурного воспитания, притирали к обочинам, вынуждая на полном ходу сворачивать на пашню, в лесок, в придорожные канавы. Те кувыркались, мялись, горели, а самосвалы шли дальше, весело попыхивая выхлопными трубами.

Что-то в приятелях настораживало редких прохожих, и все стремились обойти их стороной, спешно перебежали на противоположную сторону улицы, ныряли в ближайшие подворотни, якобы по нужде прятались в кусты, лишь бы пропустить, не столкнуться с лениво шагающей троицей. Прохожие напрасно их опасались – сегодня они никого не трогали. Цель была намечена заранее, и все трое хорошо знали, куда идут, зачем, и не отвлекались на мелочи. За сотню метров до цели они остановились, стараясь расположиться так, чтобы оказаться в тени – из многих окон за ними в этот миг наверняка наблюдают опасливые, настороженные взгляды автовладельцев.

– Слушай сюда, – сказал Юрик, подождав поотставших приятелей. Тяжелые надбровные дуги скрывали его глаза, и только в свете фонаря из-под бровей иногда вспыхивали маленькие искорки. – Даю установку...

– Да ладно тебе! – нервно перебил его Боксер. – Нашелся еще Кашпировский! Не трясись. Чую – все будет отлично.

– Заткнись! – проговорил Юрик, в возбуждении поправив пучок волос на затылке. – Я говорю это не для тебя и не для Сынка, понял? Говорю это для себя. Я сам хочу быть уверенным, что ты услышал, что требуется, и твоя дурь не помешает сделать дело. Повторяю – даю установку.

– Давай-давай, – кивнул Боксер с преувеличенным послушанием. – Умные слова всегда приятно слушать.

– Если перебежешь еще раз, возвращаемся. И я докладываю шефу, что дело не состоялось по твоей вине. Объясняйся с ним сам. Понял? – Юрик захватил на груди низкорослого Боксера все одежды и с силой притянул к себе. – Если ты задышишь громче обычного, я поворачиваюсь и ухожу. Морду твою я бить не буду. Вопросы есть?

– Виноват, – Боксер покорно склонил голову.

– Сынок?

– Все понял. Я и раньше все понимал.

– Делаю третью попытку... Клиент прибывает с минуты на минуту. Сынок подходит к нему в тот момент, когда тот откроет дверцу, чтобы выйти из машины. Сынок подходит к нему с самыми вежливыми словами, которые только найдутся в его красивенькой головке...

– Обижаешь, Юрик, – успел вставить Сынок, но негромко, чтобы не прервать наставления Юрика.

– Ты говоришь: «Извините, пожалуйста...» Или что-то в этом роде. Он поворачивает к тебе свою поганую физиономию, и ты тут же, в ту же секунду пускаешь ему в глаза струю газа. Но смотри не перестарайся, иначе мы сами не сможем потом сесть в машину. Пока клиент страдает и мается, Боксер берет его за шиворот и оттаскивает в сторону. Можно к нему даже слегка приложиться, если он почувствует себя недостаточно плохо. Но предупреждаю – осторожно. Одна мокруха у нас сегодня уже есть.

– Амон... – начал было Сынок, но Юрик остановил его:

– Заткнись. Амона здесь нет. Здесь мы. Боксер отволакивает старика в сторону, Сынок в это время уже сидит справа, я за рулем. Сынок открывает заднюю дверцу и впускает Боксера. И сматываемся. Вопросы есть? – Юрик хмуро посмотрел на своих подчиненных. – Вопросов нет. А вот и он...

В конце улицы показались огни машины. Скорость была небольшая, водитель знал, что ему сейчас придется сворачивать во двор.

– Все-таки приятно иметь дело с точным человеком, – пробормотал Сынок.

– Разошлись, – скомандовал Юрик. – Боксер, ты с ним все-таки поосторожней. Человек он пожилой, сердечко наверняка слабенькое, головка тоже... По крови мы сегодняшней план уже выполнили. Главное – менять почерк. Запомните, делюсь заветным: все угоны должны быть различными.

Новенькая белая «семерка» мягко, почти бесшумно, въехала во двор, приблизилась к крайнему подъезду. Погасли фары, распахнулась передняя дверца, и в салоне вспыхнул несильный свет. В это время по дорожке к машине приблизился невысокий щуплый парнишка. Со стороны он мог показаться учеником восьмого-девятого класса и, наверно, поэтому не вызвал у водителя никаких опасений.

– Простите, пожалуйста, – обратился он к водителю, и тот доверчиво высунулся из машины. Это был пожилой человек с коротенькими седыми усами.

– Слушаю вас, молодой человек?

– Видите ли, – Сынок вплотную приблизился к водителю.

– Ну? – поощрительно улыбнулся тот.

И в этот момент прямо ему в лицо ударила сильная струя газа. Сынок приблизил баллончик к самому лицу водителя, поэтому рассеивания почти не было. Старик попытался было вдохнуть свежего воздуха, но Сынок ждал этого момента и ударил струей прямо в рот. После этого водитель бесшумно вывалился на мокрый, усыпанный листьями асфальт. Боксер тут же поволок безжизненное тело в сторону. Он даже с некоторой заботливостью втоптал старика в кусты, но с таким расчетом, чтобы ноги его оставались на тротуаре, – тогда соседи увидят, вызовут «Скорую помощь», в общем, не дадут умереть. Но это произойдет только в том случае, если кто-то узнает. Случайный человек наверняка примет за пьяного и пройдет, брезгливо поджав губы, хотя, может быть, всего несколько дней назад сам валялся точно в таком же положении. Что делать, такие нравы – мы настойчиво убеждаем себя, что валяется пьяный, хотя сердце подсказывает – нагнись, присмотрись. Нет, торопливо проходим мимо зарезанных, избитых, умирающих.

Двери белой «семерки» мягко захлопнулись, и машина бесшумно тронулась с места. С небрежной неторопливостью проехала мимо всего дома и свернула на дорогу. На перекрестке «семерка» послушно остановилась перед красным сигналом светофора, дождалась зеленого, не соблазнившись желтым, когда уж, кажется, могла бы сорваться с места. Нет, тронулась она только при полном зеленом и, набирая скорость, помчалась по пустынной ночной улице.

* * *

Вернувшись с обхода, Овсов прошел в свою загородку и тяжело опустился на кушетку. Потер лицо ладонями, словно снимая участливое выражение человека, от которого зависит чья-то жизнь. Старушки, которые по неосторожности сломали себе ноги, пьяные мастера, сунувшие руки в циркулярные пилы, смертельно избитые ребята, вздумавшие кому-то доказывать свое достоинство, – все эти люди мало его волновали. С ними все было очевидно, и его задача заключалась лишь в том, чтобы поставить на место вывернутые суставы, сшить разорванную кожу, наложить гипс, спрятать внутрь торчащие наружу кости. По-настоящему его беспокоил больной, лежавший в отдельной маленькой палате. Выжила, все-таки выжила та несуразная гора мяса и костей, которую однажды поздним летним вечером доставили ему с Никольского шоссе, и он всю ночь провозился над этим существом. А теперь это существо, приняв вполне благообразный человеческий облик, лежало в позе трупа, но каждое утро требовательно встречало одним и тем же вопросом:

– Доктор, кто я?

– А бог тебя знает, – Овсов присаживался на край кровати и принимался ощупывать, осматривать ноги, руки, суставы этого человека. – Сам-то не вспомнил?

– Если бы вспомнил, не стал бы спрашивать.

– И я не стал бы дожидаться твоего вопроса, если бы узнал, кто ты есть или кем ты был в прошлой жизни.

Овсов подсел к письменному столу, придвинул телефон. Но набирать номер медлил, все еще колеблясь, все еще не уверенный в том, что этот звонок необходимо сделать. Неслышно вошла Валя – он узнавал ее по легкому шелесту простыни за спиной. Остановившись сзади, она положила ему на плечо руку, а он молча и благодарно потерся об нее небритой щекой.

– Как там наш? Не пристаёт?

– Пристаёт.

– Уже? – радостно удивился Овсов, подняв голову и встретившись с Валею взглядом.

– С вопросами пристаёт.

– Все его вопросы я знаю.

– Костыли сегодня попросил.

– Будут ему костыли. Все будет.

– Говорит, где-то я тебя уже видел...

– Понятно... Это он вспомнил о том, что он мужик. Тоже неплохо для начала, как ты думаешь?

– Наверно, – Валя передернула плечами. – Хочешь кому-то звонить?

– Да есть у меня один дружок. В прокуратуре работает.

– А ему-то зачем? Что-нибудь случилось? – Легко вспрыгнув, Валя села на подоконник.

– Ты не забыла, что у нашего крестника в спине была хорошая ножевая дыра? Ведь его привезли не с простой автомобильной аварии... Это преступление.

– Ну и пусть возьмется, Степан Петрович! Тебе-то что?

– Вот позвоню, и пусть возьмется, – в голосе Овсова прозвучало еле заметное раздражение.

– Я сказала что-то не то?

– Ты меня извини, конечно... Может, я из прошлых времен, а ты из нынешних... Может, где-то что-то у нас не стыкуется... Но знаешь, Валя...

– Давай-давай! – она поощрительно рассмеялась. – Вываливай!

– Видишь ли, Валя, может быть, ты поступаешь правильно... Сужая свои обязанности... Не служебные, нет, здесь у тебя все в порядке. Начальство нареканий не имеет. Ты сужаешь обязанности человеческие. Ты не вмешиваешься в дела, которые впрямую тебя не касаются.

– Это плохо?

– А я вмешиваюсь.

– Это хорошо?

– Валя, не надо заводиться... Я не осуждаю тебя и не хвалюсь. Я просто объясняю разницу. И невмешательство может быть хорошим, и вмешательство может оказаться неуместным. Но как бы там ни было – я вмешиваюсь.

– И оказываешься в дураках!

– Полностью с тобой согласен, – улыбнулся Овсов, снимая напряжение. – Но я согласен десять раз оказаться в дураках, чтобы в одиннадцатый раз вмешаться кстати и своевременно. И потом... у меня есть козырь... Я не боюсь выглядеть дураком... Иногда мне это даже нравится.

– И такое бывает? – удивилась Валя.

– Видишь ли, миллионеру не страшно появиться в обществе в драном свитере – это никого не введет в заблуждение. Так и я... Мне не страшно впасть в дурь. Меня простят.

– Ты меня осуждаешь, – проговорила Валя.

– Упаси боже! – воскликнул Овсов и, поднявшись со стула, обнял девушку. – Я просто балдею от того, что ты не подлаживаешься, не стараешься выглядеть лучше, а ведешь себя так, как считаешь нужным. А то, как ты относишься ко мне... Вообще повергает меня в глупый восторг.

– Ну, спасибо, – Валя сделала попытку освободиться из его объятий.

– Валя, – проговорил Овсов, и в его голосе при желании можно было услышать и укор, и призыв к благоразумию, и раскаяние, и объяснение в любви.

– Ладно, замнем для ясности, – сказала она несколько грубовато, но легко. И оба перевели дух – опасный порог в разговоре благополучно миновали. Уже выходя, отодвинув простыню в сторону, она обернулась. – Звони своему прокурору. Он тут нам такое устроит...

– Да ты в него влюбишься! – рассмеялся Овсов.

– Вот и я о том же, – несколько не в лад, но с вызовом ответила Валя. Дверь из ординаторской хлопнула за ее спиной сильнее обычного. «Делай что хочешь, дурак старый!» – так примерно понял этот хлопок Овсов и был не слишком уж далек от истины.

– Как будет угодно, – пробормотал он и, уже не колеблясь, набрал номер телефона. – Павел Николаевич? Рад приветствовать. Овсов.

– О! Овсов! – Пафнутьев, кажется, готов был шумно радоваться каждому человеку, который появлялся перед ним, писал ему, звонил или просто встречался на улице. – Что-то давно тебя не видно, не слышно? Все латаешь, штопаешь, долбишь, пилишь, а? Признавайся, Овсов! Кайся!

– Что делать, Паша... Что делать...

– Но сам-то – жив, здоров, бодр, влюблен?

– Местами, Паша.

– Какая-то в тебе безутешность, Овсов! Чует мое сердце – не зря позвонил, не по велению сердца, а? Корысть какая-то в твоём звонке прослушивается, а?

– Заглянул бы как-нибудь, а, Паша?

– Загляну. Обязательно. При первом же удобном случае. Как говаривал какой-то наш вождь – пренебреженно.

– Сегодня бы и заглянул.

– Есть о чем поговорить?

– Найдется.

– Ишь ты! Я начинаю волноваться, Овсов!

– И правильно. Зайди, Паша... Познакомлю тебя с одним человеком.

– Твой клиент?

– Можно и так сказать.

– Как звать-величать клиента? – спросил Пафнутьев напористо, Овсов даже представил, как тот придвинул к себе чистый лист бумаги и взял ручку.

– Понятия не имею.

– Не понял? – удивился Пафнутьев. – Ты хочешь познакомить меня с человеком, о котором сам...

– Да, Паша. Да. Зайдешь?

– Дай подумать... Я сейчас большой человек, мне нельзя вот так с бухты-барухты... У меня все по часам расписано... А знаешь, я прямо сейчас и подъеду. Годится?

– Жду. – И Овсов положил трубку, чтобы Пафнутьев не передумал, не спохватился, не спрятался за какую-нибудь отговорку.

* * *

Человек, который знал Пафнутьева раньше, был бы, наверно, удивлен происшедшими в нем переменами. Следовательно, а теперь уже начальник следственного отдела, не стал угодливее, но появилась в нем этакая предупредительность. Начальству стало легче с ним разговаривать, с ним стало менее хлопотно. Пафнутьев сделался понятливее, а дурашливость, позвольтельная на прежней должности, как-то сама по себе исчезла. Понятия, раньше до него не доходившие, ставившие его в тупик, теперь он схватывал с полуслова. Другими словами, Пафнутьев стал как бы более причесанным, и в прямом смысле слова тоже. Никаких вихров, никаких непокорных локонов за ушами. Это был чиновник хорошего ранга, своевременно посещающий парикма-

херскую. Изменился и взгляд у Пафнутьева – появилась в нем легкая утомленность, собеседник сразу понимал, что имеет дело с человеком влиятельным, с широкими обязанностями и полномочиями.

Правда, кое-что осталось в нем и от прежнего Пафнутьева. Роскошный костюм, который ему как-то по случаю устроил давний приятель Халандовский, Пафнутьев надевал нечасто, разве что на совещания у Сыцова, на встречи с жителями города, на свидания с Таней, которая относилась к нему так неровно. У Пафнутьева было такое ощущение, что в этом костюме он просто вынужден был произносить слова торжественные, имеющие значение не только для правопорядка вообще, а и для судеб государства. Это ощущение осталось у него от первого появления в кабинете Сыцова в прошлом году, когда он так нагло и бесцеремонно изложил сочиненную версию нескольких убийств. Но через некоторое время он понял, что все сошло вовсе не потому, что он такой ловкий да хитрый, вовсе нет. Просто его версия всех устраивала. И ее приняли благосклонно и снисходительно. Она позволяла оставшимся в живых после той мясорубки сохранить свои позиции.

– То, что вы нам рассказали, дорогой Павел Николаевич, очень забавно. Только не думайте, пожалуйста, что все мы такие простачки, – обмолвился вскоре после тех событий Сыцов по телефону.

– Упаси боже! – дурашливо закричал Пафнутьев в трубку. – Я ведь понимаю, что главная моя забота не о мертвых, как бы хороши они ни были при жизни, а о живых людях, дорогой Иван Иванович!

– Вот тут вы правы. На все сто процентов. Но не больше, – добавил Сыцов.

– А бывает больше?

– Да, – сказал Сыцов негромко. – Бывает. Когда истина существует сама по себе, а события – сами по себе. И на истину они никак не влияют и никак в ней не отражаются. Тогда требуется более ста процентов правоты.

– Простите, но тогда истина...

– Совершенно верно, Павел Николаевич, – невозмутимо перебил его Сыцов, чуть повысив голос. – Истина – это версия, которая мне нужна. Которая мне нравится, в конце концов.

– Понял, – Пафнутьев с готовностью кивнул, хотя в этом не было никакой надобности – разговор шел по телефону.

– Вас устраивает такое толкование?

– Вполне.

– Тогда нас с вами ждет долгая и счастливая жизнь, – улыбнулся Сыцов, и Пафнутьев, кажется, даже на расстоянии увидел его опасно сверкнувшие белоснежные зубы. – Разумеется, в пределах, отпущенных нам природой.

– Ха! – осторожно рассмеялся Пафнутьев, поддержав шутку большого человека.

Этот разговор Пафнутьев вел уже из своего нового кабинета и поэтому не был еще вполне уверен в себе. Кабинет представлял собой небольшую комнату размером метров двенадцать – три на четыре. Поначалу такое роскошество несколько угнетало Пафнутьева – как-никак это был первый отдельный кабинет в его жизни, и он отнесся к нему с тем простодушным восторгом, с которым входят измаявшиеся жильцы коммуналок в свою первую отдельную квартиру. Пафнутьеву нестерпимо хотелось заменить штору, самому покрасить пол, захватанную пальцами дверь, вымыть большое окно, выходящее прямо в листву громадной липы – распахнув рамы, он мог даже потрогать листву рукой. По утрам он иногда здоровался с липой как бы за руку. Естественно, убедившись, что никто не стоит за спиной и не хихикает тихо, мелко и пакостно, как выражалась все та же Таня, которая относилась к нему так непостоянно. Иногда, задумываясь о ней, Пафнутьев мимолетно огорчался, сознавая, что это не очень-то его тревожит. А хотелось, хотелось терзаний и маяты, радостной взвинченности, но... Не было. Он понимал – Таня уходит из его жизни. Спрашивая себя время от времени, хотелось бы ему,

чтобы она осталась, он отвечал себе искренне и убежденно – да, хотелось бы, да, пусть бы оставалась. Но предпринять что-то решительное и дерзкое... На это не находилось ни времени, ни духу. И мысли об этой женщине чаще всего заканчивались словами, которые он произносил вслух: «Давай, дорогая, давай... Тебя ждут конкурсы красоты, призы в сверкающих коробках, собранные на полях чудес, тебя ждут прекрасные молодые люди в вислых зеленых штанах, тебя ждут широкие кровати и глухой стук хрусталя с шампанским в полумраке... Давай, дорогая... Прямой тебе дороги в этот самый полумрак...»

Так думал Пафнутьев, растравляя в себе обиду, наслаждаясь своим не очень сильным горем, упиваясь легкой тоской по этой женщине. И кончались подобные его мысли чаще всего тем, что он хмуро и сосредоточенно набирал телефонный номер Тани.

– Не помешал? – спрашивал он напряженным голосом, и Таня сразу все понимала – его настроение, состояние, надежду.

– Паша, ты себя переоцениваешь... Ничему помешать ты просто не можешь.

– Так уж и ничему?

– Да, Паша, да.

– Боюсь, ты меня недооцениваешь.

– Хочешь сказать, что я ошибаюсь?

– Ошибаешься.

– И готов доказать?

– Готов.

– Что же тебе мешает сделать это? – улыбалась Таня в трубку.

– Ты еще поговори у меня, – ворчал Пафнутьев и, посрамленный, ехал к Тане, заглядывая по пути в один-второй коммерческие киоски, которые как-то незаметно и неотвратимо выросли вдоль улиц, вокруг трамвайных остановок, во дворе прокуратуры и даже в самом здании прокуратуры, правда, с внешней стороны, с торца.

* * *

В больницу Пафнутьев приехал через полчаса после телефонного разговора с хирургом. С интересом оглядываясь по сторонам, прошел по длинному сумрачному коридору, вдыхая острые больничные запахи, поднялся по холодной бетонной лестнице на второй этаж. Когда сестра спросила его, кого ищет, к кому пришел, Пафнутьев лишь приложил палец к губам – тише, мол, могут услышать. И сестра этим вполне удовлетворилась, тут же отправившись по своим делам. Подойдя к ординаторской, он вкрадчиво заглянул в дверь, неслышно приблизился к загородке. Отодвинув простыню в сторону, он увидел Овсова, сидящего к нему спиной. Но самое интересное было то, что по седому затылку хирурга медленно и как-то раздумчиво скользила девичья ладошка.

– Руки вверх! – сказал Пафнутьев, входя. – Вас это не касается, – сказал он девушке, когда та испуганно отдернула руку от головы Овсова. – Положите ладошку туда, где она и была, иначе он не простит моего появления.

Девушка стрельнула глазами и, не проронив ни слова, вышла.

– Обиделась? – спросил Пафнутьев.

– Простит, – Овсов поднялся, пожал гостю руку, похлопал по спине.

– Ну ты, Овес, даешь! – Пафнутьев восторженно покрутил головой. – Чем же ты взял ее?

– Она меня, Паша, – Овсов виновато поморгал глазами. – Сам бы не осмелился.

– Чем, Овес?

– Чем берут в таких случаях... Молодость, красота, непосредственность... А остальное у меня самого есть. Выпить хочешь?

– Во времена настали! Куда ни придешь, везде спрашивают, не хочу ли я выпить! Не могу же я постоянно признаваться, что хочу... Прямо не знаю, что и ответить...

– Поэтому ты признаешься в этом только давним друзьям, – улыбнулся Овсов, и рука его потянулась к тумбочке стола. – Ты заметил, что административные взлеты разрушают дружеские связи, а? Толпы подчиненных заменяют нам друзей, а?

– Ложный вывод, – твердо сказал Пафнутьев, усаживаясь на кушетку. – Совершенно ложный, безнравственный вывод.

– Тогда ладно, – кивнул Овсов. – Как поживает наш лучший друг Халандовский? Жив ли, здоров ли, как прежде, мудр и печален?

– В основном печален.

– Что так? – Овсов нащупал наконец в глубине тумбочки то, что искал, и вынул какую-то диковинную бутылку с ярко-синей жидкостью.

– Ты что?! – ужаснулся Пафнутьев. – Неужто стеклоочистителем балуешься?

– Ты, Паша, каким был, таким и остался – темным и невежественным. По нынешним временам это самый ценный напиток, и дарят его только выдающимся мастерам своего дела, хирургам в основном. – Овсов безжалостно свинтил с бутылки роскошную пробку тоже синего цвета. – Смотри! – И он поставил бутылку на стол, повернув этикеткой к гостю. На этикетке были изображены море, пальмы, а на берегу не то красотики, не то обезьяны. – Райское наслаждение, как утверждает реклама, – и он бестрепетно разлил жутковатый напиток в две чашки с отколотыми ручками. – Принесли вот какую-то бурду... Начал искать на этикетке крепость, но, кроме голых негрятенок, ни фи́га не нашел... Так что печалит Халандовского?

– Флажкуют его, а за что – не пойму.

– Друзья у него чреватые. – Овсов протянул гостю чашку с синей жидкостью.

– Может быть, может быть, – Пафнутьев быстро глянул на Овсова, кажется, впервые задумавшись о таком объяснении халандовских неприятностей, – он осторожно понюхал напиток, опасливо посмотрел на Овсова, который, опустошив свою чашку, уже поставил ее на стол.

– Мне приходилось и зеленое пить из таких бутылок, и красное, и черное... Не поверишь, однажды даже молочное. Не наши это спортивные цвета, ох, не наши.

– Зачем берешь?

– Дают – бери, бьют – беги. Понимаешь, благодарные клиенты не видят другой возможности отблагодарить врача. Просто зайти и сказать спасибо... Безнравственно это и как-то по-жлобски. Да, честно говоря, я и сам на их месте поступал бы так же... Я тоже не вижу другой возможности отблагодарить меня за усердие. – Овсов плеснул в чашки еще немного вина и спрятал бутылку в тумбочку. – Чем хорош такой напиток... Кто зайдет – ни за что не поверит, что поддаем. Подумает, микстура какая-нибудь... ну да ладно... Есть у меня, Паша, клиент...

– Вот-вот, пора уже и о нем.

– Слушай... Поступил он к нам уже больше трех месяцев назад в виде совершенно непотребном. Гора мяса и костей. Провозился я с ним часов десять, не меньше. Что мог – вправил, вшил, подтянул, удлинил, сколотил... Сейчас у этого человека вид более или менее нормальный... Ноги – там, где им положено быть...

– А это было не всегда?

– Я же сказал – месиво. И руки на месте, и голова в верхней части туловища. Нос вправили, скальп был содран – натянул, пришил. В прежней жизни у него зальсины намечались – сейчас их нет и в помине.

– Помолодел, значит?

– А ты не улыбайся, он и в самом деле выглядит моложе. Челюсть срослась, хотя контур лица, конечно, изменился. Рост стал больше...

– Это как? – удивился Пафнутьев.

– Ну, починил я ему ноги... Переломы сдвинулись, шипы поставил, стальные стержни. Сантиметров на пять стал выше. Руки... И руки в порядке... Позанимается, гантели потаскает... Повалится он у меня еще пару месяцев... Но все это чепуха.

– Есть кое-что и пострашнее?

– Да, Паша. Во время операции выяснилось, что у него в спине ножевая рана. Хорошая такая рана, профессиональная.

– А помяло его где?

– Автомобильная авария. На Никольском шоссе. Ко мне сюда несколько раз приходили гаишники, но ничего внятного я им сказать не мог. Но они мне рассказали – машина, в которой он ехал, сторела дотла. Вместе со всем, что в ней было. А его, похоже, выбросило. Или сам выполз.

– Откуда же рана?

– Тут какая-то невнятица, Паша... С такой раной машину вести невозможно. Да и в спине она, с левой стороны... А водители, насколько мне известно, сидят, упершись в спинку сиденья. Сквозь спинку нанести такой удар невозможно.

– Вывод? – Пафнутьев все еще подозрительно принохивался к чашке.

– Его добивали после аварии. Когда машина горела синим пламенем, а он лежал на обочине.

– Что же ты молчал до сих пор? – укоризненно спросил Пафнутьев.

– А что я мог тебе сказать? В ГАИ все известно, протоколы составлены, акты подписаны... А от моего клиента ты все равно ничего бы не смог добиться. Ты и сейчас ничего от него не добьешься.

– Это почему же?

– Я еще не все сказал, Паша. Я еще не сказал главного...

– Мне страшно, – без улыбки произнес Пафнутьев.

– Этот парень ни фига не помнит. Он не помнит, как его зовут, кто он и откуда. Он не помнит, что с ним произошло и кем он был раньше. Это какое-то новое существо. Без прошлого. Зомби. Ты знаешь, что такое зомби?

– Встречать не приходилось, но слышать слышал. Ожившие мертвецы с какой-то заданной программой.

– Вот-вот. В самую точку. Ожившие мертвецы с заданной программой. Единственное, что он помнит, – человеческие слова. Слава богу, хоть русские слова. Бог не лишил его совсем уж всего. И еще... Он проявляет все возрастающий интерес к моей Вале – вот которая была здесь недавно.

– Мужской интерес?

– Да не совсем... Хотя и до этого дойдет рано или поздно... Для такого интереса все, что требуется, у него сохранилось в прекрасном состоянии. Валя ему кого-то напоминает... Он так говорит. А кого именно – не знает. Не помнит.

– И при нем никаких документов, водительских прав, блокнотов, записок?

– Ни фига. Кроме вот этого. – Овсов вынул из ящика стола небольшую, в половину почтовой открытки фотографию. – Посмотри.

Пафнутьев взял снимок. Это был портрет молодой женщины. Едва уловимая улыбка, взгляд исподлобья, который можно было назвать и выжидательным, и настороженным, короткая прическа, светлая блузка, пиджак. Ее наряд не выглядел праздничным, но это была хорошая одежда.

– Красивая женщина, – сказал Пафнутьев. – Мне нравится. – Он перевернул снимок – обратная сторона была чиста. Ни даты, ни имени, ни росчерка. – Твой Зомби видел эту фотографию?

– Конечно. Он ее не помнит.

– Послушай... Если он был, как ты говоришь, в неважном состоянии, если машина сгорела, а у него в спине дыра от ножа... Как же сохранился этот снимок?

– Он был в целлофановом конвертике. Знаешь, выпускают такие для удостоверений... Все было залито кровью, но снимок в конвертике не пострадал.

– Где нашли? – спросил Пафнутьев.

– В заднем кармане штанов.

– А в остальных карманах?

– Пусто. Его хорошо обшарили... Только в задний заглянуть не догадались. Или же не смогли – он лежал на спине. – Овсов взял снимок, еще раз всмотрелся в женское лицо.

– И он не знает, кто это?

– Паша, повторяю в сотый раз: не знает, кто он сам. Зомби. Каждое утро встречает меня одним и тем же вопросом: «Ну что, узнали, кто я?»

Пафнутьев подошел к окну, потрогал крашеную раму, провел пальцами по стеклу, щелчком сбросил с подоконника дохлую муху, снова сел на кушетку.

– Хорошая кушетка, – сказал он отстраненно. – Надежная.

– Да, вполне, – согласился Овсов. – Не люблю мягких кроватей. На мягком плохие сны снятся... Задыхаюсь, проваливаюсь куда-то, тону... Ну и так далее.

– Хорошая кушетка, – повторил Пафнутьев и без всякой связи спросил: – Он сильно изуродован?

– Ничуть, – ревниво ответил Овсов. – Я хорошо поработал. Если ему немного начесать волосы на лоб, отрастить небольшую бородку и надеть темные очки... То вообще ничего не заметишь. А со временем и в очках надобность отпадет. Нет-нет, все сработано на хорошем уровне. За ту ночь я вполне доволен собой. Да и с парнем повезло – больно живучим оказался. После того ножевого удара, не говоря уже об остальном... Не каждый бы выкарабкался. Далеко не каждый.

– Хороший удар?

– Это удар не случайного человека. Ты так не сможешь. И я не смогу. Так сработает только тренированный в своем деле человек. Нижнее ребро отсечено начисто.

– Надо же, – озадаченно пробормотал Пафнутьев.

– Хочешь познакомиться?

– Боязно как-то...

– Все страшное уже кончилось. Нормальный парень. Тебе понравится. Вот увидишь.

– Пошли, – Пафнутьев поднялся, взял со стола фотографию неизвестной женщины и сунул в карман. – Это я забираю. Постараюсь узнать, кто она.

– Сможешь? – с сомнением спросил Овсов.

– Овес, ты меня еще не знаешь. Ты меня еще узнаешь. Скажи мне, Овес, вот что, – Пафнутьев остановил хирурга у двери. – Есть какие-то запретные темы, вопросы при разговоре с ним? А то вдруг ляпну что-нибудь несусветное, а?

– Мы говорим откровенно. Обо всем. Да с ним и невозможно играть в какую-то деликатность, темнить... Как я понял, человек он был довольно жестковатый, вещи называет своими именами. – Выйдя в коридор, Овсов первым зашагал к маленькой палате, где уже несколько месяцев лежал странный больной, которого он окрестил Зомби. – Единственное, что его волнует, – он хочет знать, кем был в предыдущей жизни.

– Ответим, – кивнул Пафнутьев. – На все вопросы ответим. Веди меня к нему. Я хочу видеть этого человека.

* * *

Палата оказалась действительно отдельной, но настолько маленькой, что крупноватые Пафнутьев и Овсов протиснулись в нее с трудом. Кровать одной спинкой упиралась в окно, вторая спинка почти перекрывала вход, поэтому войти можно было только боком. На кровати, подняв подушку и упершись в нее спиной, лежал человек. В руках его была газета. Как успел отметить про себя Пафнутьев, старая газета, недельной давности. Еще целый ворох газет лежал на полу. Похоже, чтение составляло главное занятие больного.

Увидев вошедших, больной отложил газету в сторону, приподнялся, сбросив ноги на пол, сел на кровати, выжидательно улыбнулся. Чему, дескать, обязан? Пафнутьев ожидал увидеть на его лице следы перенесенных операций и, конечно, их увидел. А не знал бы о случившемся, может быть, ничего бы и не заметил, не обратил бы внимания. Человек был в синем тренировочном костюме, на ногах – больничные шлепанцы.

Лицо больного можно было назвать если и не красивым, то, во всяком случае, приятным. В то же время Пафнутьев заметил в нем какую-то настораживающую странность и не сразу понял, в чем дело. Потом догадался – в выражении лица больного была неуверенность, он словно бы сам сомневался в том, что улыбка у него получилась, что выражение лица соответствует положению, в котором он оказался, что вообще вписывается в разговор. И в движениях его тоже ощущалась неуверенность, он словно не знал, как себя вести.

– Привет, старик, – сказал Пафнутьев и, похлопав легонько больного по плечу, присел на стоявший у кровати стул. Овсов опустился на край самой кровати. – Познакомимся... Пафнутьев Павел Николаевич, – он протянул руку. Пожатие больного оказалось неожиданно сильным, без болезненной вялости.

– Очень приятно, – сказал он, улыбнувшись странной своей улыбкой. – К сожалению, назвать себя не могу.

– Степан Петрович рассказывал про твои проблемы.

– Хотя сам Степан Петрович называет меня Зомби... Не столь благозвучно, но зато точно.

– Как отнестись, – немного смешался Овсов.

– Не возражаю, – благодушно подхватил Пафнутьев. – Все это, в конце концов, неважно. Доберемся и до настоящего твоего имени. Прекрасно выглядишь, – Пафнутьев оценивающе склонил голову набок. – После всего, что рассказал мне Степан Петрович... Я не ожидал увидеть тебя в столь цветущем виде.

– Стараюсь.

– Прекрасно парень держится, – кивнул Овсов. – Другой бы запросто скис. А тут чувствуется настоящая закваска.

– Думаете, крутым парнем был? – спросил больной.

– О крутизне сказать ничего не могу, но то, что ты был человеком непростым... Это очевидно.

– Что пишут новенького? – Пафнутьев показал взглядом на газеты.

– Ха, для меня все новенькое.

– Интересно читать?

– Да. – Больной неопределенно повертел рукой в воздухе.

– Все понятно?

– Не понял? – Он с удивлением посмотрел на Пафнутьева.

– Поскольку ты кое о чем забыл из своей прошлой жизни, то я и спрашиваю – все ли понятно, о чем пишут наши мыслители, вдохновители, провокаторы и прочая шелупонь?

– В общем... Да.

– Встречаются незнакомые слова?

- Незнакомые? – Большой задумался. – А знаете, нет. Не встречаются.
- А эти все брифинги, саммиты, эксклюзивы, консалтинги, которыми, как дерьмом, вымазали русский язык... Это слова понятны?
- Знаете... да. А почему об этом спрашиваете?
- Пытаюсь понять, кто ты есть.
- И кто же я?
- Если мы выйдем на улицу, остановим сто человек и спросим значение слов, которые я только что произнес... выговорить их второй раз у меня просто нет сил... Так вот, только один из ста сможет объяснить их значение. А для тебя они ясны.
- Я как-то об этом не задумывался... Хотя задумывался о многом.
- Овсов молчал, давая возможность Пафнутьеву проявить свою проницательность, умение понять человека, заставить его сказать нечто существенное. Последние слова убедили Овсова, что Пафнутьев действительно может поговорить с человеком с пользой для себя.
- Ты знаешь, что с тобой случилось? – спросил Пафнутьев.
- Да... Степан Петрович рассказал во всех подробностях. Теперь знаю.
- Но сам не вспомнил, как все это произошло?
- Нет.
- Тебя, наверно, ищут?
- Должны... Если есть кому.
- А кто может тебя искать?
- Друзья... Враги, – улыбнулся Зомби. – Учитывая характер происшедшего... И тем, и другим я просто необходим.
- Почему?
- Ну... событие, в общем-то, из ряда вон... Правильно? Автомобильная катастрофа, тяжкие последствия, материальный ущерб... Погиб человек...
- Это кто же погиб? – спросил Пафнутьев.
- Я себя имею в виду. Причем не просто погиб, а исчез... Пропал, не оставив следов. При загадочных обстоятельствах... Так можно сказать?
- Можно, – кивнул Пафнутьев. – Продолжай.
- А раз так, то необходимо похоронить хотя бы то, что от меня осталось. Головешки какие-нибудь... Но возможны и отклонения... Вот в газете прочитал сегодня... Горы невестрессованных трупов: близкие родственники не хотят хоронить – дорого... Нет денег. Случается, что трупы родственников просто выбрасывают на свалки... Их обнаруживают, начинается следствие, проводятся розыскные меры, устанавливают личность трупа, находят его родственников... И выясняется, что никакого преступления нет, человек помер от инфаркта, а обнищавшая родня свезла тело бывшего кормильца на свалку... новые времена, новые нравы, – большой усмехнулся.
- Ладно, все это я и без газет знаю, – хмуро сказал Пафнутьев. – А почему ты решил, что у тебя могут быть враги?
- Ну... Враги должны быть у каждого порядочного человека. Мне так кажется. А если они есть, то им тоже необходимо убедиться, что я погиб. Я здесь уже три месяца, но не видел ни друзей, ни врагов... Это мне кажется странным. Или я ошибаюсь?
- Нет, – вздохнул Овсов. – Не ошибаешься.
- Может быть, я вообще не из этого города? Может быть, меня ищут в других местах?
- Ты из этого города, – сказал Овсов. – Тебя искали... Вскоре после того как ты попал к нам, чуть ли не на следующее утро... Да, наутро после операции... Был человек, интересовался...
- Был? – быстро переспросил Пафнутьев.

– Заглядывал, – с нарочитой беспечностью подтвердил Овсов. – Молодой такой, румяный, в нынешней униформе – зеленые штаны на вырост и черная кожаная куртка.

– А каков из себя?

– Зайди в любой коммерческий киоск и там обязательно встретишь. Короткая стрижка, ежик над невысоким лбом, легкая полноватость от обильной, качественной пищи и частых застолий. Самоуверенность хозяина жизни. Чрезвычайная обидчивость на почве комплекса превосходства. Все они вдруг в одночасье решили, что отныне и навсегда страна принадлежит им. Причем не просто так, а по закону, по справедливости, поскольку долгие годы они, эти качки с вислыми животами, страдали в лагерях, маялись без свободы слова, воевали за страну и отечество... И вообще, все, что происходило со страной печального за эти десятилетия, это происходило с ними лично. И вот их горести кончились, наконец они могут взять все свое, когда-то отнятое, обратно. И берут. Такой вот примерно молодой человек приходил ко мне наутро после операции.

– Чего хотел? – хмуро спросил Пафнутьев.

– Интересовался самочувствием пострадавшего.

– Как он его назвал?

– Никак. Доставили, спрашивает, вечером несчастного с Никольского шоссе после аварии? Доставили, говорю. Как он? – спрашивает. Уточняю – вы спрашиваете о нем или о том, что от него осталось? Он понял эти мои слова как сообщение о смерти. – Овсов кивнул в сторону больного.

– И как он воспринял эти слова?

– С явным облегчением. Это меня насторожило, я начал уточнять, кто такой сам... И он завилчал. Знаешь, как виляют молодые и не очень умные люди?

– Знаю. Дальше.

– Я спросил, не родственник ли он... Опять манная каша в ответ... Вроде знакомый или знакомые попросили заехать узнать... Оставьте телефон, говорю. Это ему не понравилось... Спрашивает, можно ли его забрать? Отвечаю, что можете забирать хоть сейчас... Это он тоже понял, как признание смерти... Спасибо, говорит, моих телефонов не берет, свои не оставляет, к двери пятится, говорит, родственники приедут, заберут... И с концами.

– Больше никто не появился?

– Никто.

– И звонков не было?

– Ни единого.

– Я не смогу найти его, пока не буду знать, кто я, – в наступившей тишине негромко прозвучали слова больного.

– Ты хочешь его найти? – удивился Пафнутьев. – Зачем? Для какой такой надобности?

– А что мне еще остается в этой жизни?

– Да? Где-то я слышал недавно похожие слова... Кто-то их совсем недавно произнес... Хорошо, постараюсь тебе помочь. Я скажу тебе, кто ты. Но сначала скажи мне, кто это? – Пафнутьев вынул из кармана фотографию женщины, которую ему вручил Овсов.

– Я уже видел эту фотку... Степан Петрович показывал. Но не знаю, кто это.

– Нравится?

– Да, приятное лицо. Хотя бывают и лучше... У Вали, например. – Больной быстро взглянул на Овсова.

– А как женщина годится?

– Не знаю... Возможно.

– В постель затащил бы? – не отставал от парня Пафнутьев.

– У меня такое ощущение, что в этом и надобности бы не было – тащить в постель. Она сама бы туда забралась.

– То есть у тебя к ней отношение не очень хорошее?
– Даже не знаю, что вам сказать... Дело в том... Да ладно, чего уж там...
– Э нет! – пресек отступление больного Пафнутьев. – Слушай внимательно... Не так важно, что ты скажешь четко и внятно, как то смутное и невнятное, что промелькнуло на долю секунды в твоей помятой голове, что вызвало бессвязные ощущения... Понимаешь? Вот ты сейчас хотел что-то сказать, но тут же остановился. Что ты хотел сказать? Что напрашивалось на язык?

– Мне показалось... У меня промелькнуло подозрение, что я уже был с ней в постели.
– Это было прекрасно?
– Не знаю... Восторга не чувствую.
– Может быть, это твоя жена?
– Не знаю.
– Но у тебя есть жена?
– Возможно... Степан Петрович говорит, что мне около тридцати, значит, вполне вероятно.

– Дети? Дети не возникают перед твоим смутным взором?
– Нет... А вот детские голоса иногда слышу... Малые дети, лет пять, может быть, три...
Что-то так.

– Как эти голоса к тебе относятся?
– Вроде зовут меня... Или я их разыскиваю, а они откликаются откуда-то... А откуда именно, не пойму. Между нами что-то стоит... Они словно проходят сквозь меня, не замечая... Или я прохожу сквозь них и тоже не вижу их, не ощущаю. Только голоса. Иногда громче, иногда тише. Иногда детский плач, тихий такой плач, как могут дети плакать в одиночку. – Больной взял со спинки кровати полотенце и осторожно промокнул взмокший лоб. – Простите, я устал. Не могу долго работать умственно, – он виновато улыбнулся.

– А газеты? Такую гору газет можете прочитывать? – спросил Пафнутьев, поднимаясь.
– Это не умственная работа. Это так... Забава. Простите, – он посмотрел на Овсова, потом на Пафнутьева, – вы так и не представились... Кто вы?

– Пафнутьев. Павел Николаевич.
– Это я уже слышал...
– Следователь прокуратуры.
– Ага... Значит, разговор был серьезным?
– Вполне.
– Простите... А зачем вы приходили?
– Мне необходимо было убедиться, что у моего друга Овсова есть такой вот клиент, что он выглядит вот так и что у него именно те проблемы, о которых говорил Овсов.

– А теперь? В чем ваша задача теперь?
– Для начала я хочу знать твое имя.
– И вы мне его сообщите?
– Немедленно.
– Тогда я найду этого типа в зеленых штанах, – как бы про себя проговорил больной. – Ведь сейчас он меня не узнает, верно, Степан Петрович?

– Да, ты немного изменился, – смешался Овсов. – Узнать тебя действительно трудно даже для тех, кто хорошо тебя знал.

– Это облегчит мою задачу.
– А в чем твоя задача? – вкрадчиво спросил Пафнутьев, обернувшись от двери.
– Я найду его, – повторил больной, откидываясь на подушку.
– Это будет непросто, – предупредил Пафнутьев. – Сейчас половина парней в возрасте от шестнадцати до шестидесяти ходят в зеленых штанах, кожаных куртках, выстригают затылки и

притворяются крутыми ребятами. А иногда и ведут себя достаточно круто, потому что вынуждены так себя вести, чтобы не осрамиться перед приятелями и приятельницами. Наглость стала признаком хорошего тона. Въезжаем в рынок, дорогие.

Зомби слабо улыбнулся и закрыл глаза.

* * *

Вернувшись в ординаторскую, Овсов усадил Пафнутьева на кушетку, выплеснул в чашки остатки синей жидкости из заморской бутылки, тут же выпил свою долю и вопросительно посмотрел на следователя.

– Что скажешь?

– Ничего напиток, – ответил Пафнутьев, чуть сморщившись. – Когда ничего другого нет, сойдет и этот.

– Я не о напитке.

– Знаю... Шучу. Знаешь, мне кажется, он не притворяется.

– Ну ты, Паша, даешь! Мне это известно давно. Ведь он без сознания лежал три недели, потом начал постепенно в себя приходить, первые слова произнес! Первый вопрос: где я? В больнице, говорю. Через несколько дней спрашивает: кто я? Нет, он нас не дурачит.

– Ты знаешь, какая дикая мысль посетила мою голову? – спросил Пафнутьев. – Мне показалось, что, когда он перестанет быть твоим клиентом, он сделается клиентом моим.

– В каком смысле?

– Я, Овес, выражаюсь только в прямом смысле. Ты видал его твердое намерение найти типа в зеленых штанах? Такое стремление посещает далеко не всех наших законобязанных граждан. Наши граждане в большинстве своем довольно трусоваты. Дочь насилуют во дворе собственного дома, а отец не может решиться на ответные действия. Братья, родные братья, не могут набраться гнева и отваги, чтобы ответить насильнику по-мужски. И она сама, шестнадцатилетняя девчонка, вынуждена брать на себя исполнение святого закона мести. Подстерегает подонка в полупустом зале кинотеатра и, пристроившись сзади, во время сеанса втыкает ему нож в шею!

– Это было?! – Овсов и Пафнутьев, обернувшись, видят в дверях Валу – они даже не заметили, когда она подошла и что тоже слушает страшноватый рассказ Пафнутьева.

– Было, – ответил следователь. – Позавчера.

– И что?

– К сожалению, «Скорая помощь» приехала слишком поздно, – с преувеличенной скорбью проговорил Пафнутьев. – Спасти не удалось.

– А девушка?

– Будет жить.

– На свободе?

– Суд решит, – Пафнутьев развел руками.

– А что он решит? – Валу, похоже, потрясла история страшной мести во время показа фильма.

– Что следствие ему на стол положит, то и решит. Мы немного ушли в сторону от нашей главной темы... С девушкой, ладно, разберемся. Но ваш Зомби что делает! Едва придя в себя, оторвав голову от смертного одра, твердо говорит – найду. Поэтому мне стало интересно – кто же он?

– Что ты намерен делать? – спросил Овсов.

– Для начала хочу познакомиться с этой красавицей. – Пафнутьев похлопал себя по карману, где лежала фотография в целлофановом конверте.

– Это возможно?

– Для меня? Обижает, Овес. – Пафнутьев поднялся. – Спасибо за угощение, теперь я внутри совершенно синий. Было очень приятно познакомиться, – он неуклюже поклонился Вале. – Будут сложности – заходите, звоните, пишите.

– Вы тоже нас не забывайте, – улыбнулась девушка. – В случае чего – сразу к нам. Починим, заштопаем, залатаем, в случае если бандитская пуля... Верно, Степан Петрович?

– Лучше, конечно, увернуться от этой самой пули, но если что... Вне всякой очереди первым под нож пойдешь.

– Больно жутковатые у вас приглашения.

– Работа такая, – Валя протянула руку. – Не забывайте нашего Зомби.

– К сожалению, это уже невозможно.

* * *

На обратном пути в прокуратуру Пафнутьев попросил водителя сделать небольшой крюк.

– Заглянем в одно место.

– Обед, Павел Николаевич! – жалобно протянул водитель.

– У всех обед. За десять минут управлюсь.

– Не управитесь.

– Спорим?

– На спор кто угодно управится.

– Тебе, старик, не угодишь, – усмехнулся Пафнутьев.

Он хотел поговорить с родителями Светы. Год назад они виделись мельком, и единственное, что он запомнил, – это сжавшиеся от горя мужчина и женщина. Они не плакали, ни о чем никого не спрашивали, пребывая в каком-то оцепенении, словно до конца не веря еще в случившееся. Они, казалось, боялись произнести хоть слово, чтобы не сорваться, не потерять самообладания, чтобы не вырвалось, не выплеснулось из них горе. Пафнутьев сам тогда пришел к ним и рассказал, как все произошло. Они выслушали его молча, не задав ни одного вопроса. Пафнутьев хорошо их понимал и не стал терзать подробностями. А сейчас, увидев в дверях Сергея Николаевича, он сделал над собой усилие, чтобы узнать этого человека. Да, это был он, отец Светы.

– Здравствуйте! – громким голосом Пафнутьев хотел всколыхнуть Сергея Николаевича, да ему и самому надо было избавиться от неловкости, убедить себя в том, что поступает правильно. – Моя фамилия Пафнутьев. Павел Николаевич. Следователь. Если помните, мы встречались с вами в прошлом году.

– Как же, припоминаю. – Сергей Николаевич отступил в глубину квартиры: – Проходите. А вы изменились.

– Вы тоже, – брякнул Пафнутьев неосторожно и тут же пожалел о своих словах.

– О нас и речи нет, – чуть улыбнулся Сергей Николаевич, – давние знакомые не всегда узнают. А напомним – неловкость... Слушаю вас. – Он показал на стул.

– Начальником вот стал, – Пафнутьев произнес это извиняющимся тоном, словно что-то непотребное совершил.

– Это, наверно, по результатам того дела?

– Не только. – Пафнутьев чертыхнулся про себя: опять сказал что-то некстати. – Я к вам на несколько минут... Вернулся Андрей, его почти год здесь не было.

– Да, он звонил мне.

– И вы поговорили с ним довольно круто?

– Для крутого разговора у меня нет ни оснований, ни духа... Попросил его больше нас не тревожить. Мне кажется, я сделал это достаточно мягко.

– Сергей Николаевич... Послушайте меня, – Пафнутьев положил ладони на колени. – Вы вправе относиться к нему, как сами того пожелаете. Тут я вам не советчик. Но для полноты картины могу сказать – он вел себя достойно. Во всех смыслах этого слова.

– Да? – вежливо удивился Сергей Николаевич. – Надо же...

– Он сделал то, на что ныне способен один человек из миллиона.

– Что же он такого замечательного совершил? Уехал к тетке на черешню?

– Он уничтожил всех прямых виновников... То есть преступников. Он бы и с остальными расправился, да я его остановил.

– И много этих... остальных?

– Трудно сказать... Но троих бы он на тот свет отправил. Это уж точно.

– И это было бы правильно? Справедливо?

– Вполне.

– Зачем же вы его остановили? – Сергей Николаевич сидел бледный, с напряженно выпрямленной спиной, на Пафнутьева старался не смотреть, вопросы задавал мертвым, бесцветным голосом, словно до сих пор боялся выдать свои чувства или опасался, что они выплещутся наружу помимо его воли.

– Четверых вам мало? – негромко произнес Пафнутьев.

– Простите, я не то говорю.

– Сергей Николаевич, скажу вам еще... Был момент, когда Андрей сам хотел отправиться вслед за Светой. И опять я остановил. Удалось схватить за руку в последний момент. Поймите, у вас нет оснований упрекать его в самом малом. Если вам это не очень тяжело, позвоните ему, снимите камень с его души. Он до сих пор в шоке. Я опасаясь, что он до сих пор не вполне отвечает за себя. Не хотите звонить – не надо. Но просьба моя такая. – Пафнутьев поднялся.

– Вы полагаете, я должен это сделать.

– Это было бы хорошо. Все, что произошло... Это очень печально... Но жизнь продолжается. И схватка продолжается.

– Вы имеете в виду... оставшихся троих?

– И их тоже.

– Если это вам поможет... Я готов. Извинюсь.

– Я пришел сюда не за помощью, – жестковато сказал Пафнутьев. Последнее время стал ловить себя на этом – он говорил людям достаточно жесткие слова, не испытывая в этом большой надобности. Если раньше он легко пренебрегал словами обидными, снисходительными, насмешливыми, то теперь не желал делать вид, что прост и непритязателен, что готов все выслушать и все проглотить. В ответе Сергея Николаевича был укол, и он не стал делать вид, что не заметил его.

– Простите, – несколько растерялся хозяин. – Мне показалось, что это вам нужно для дела...

– Нет. Все, что мне требуется для дела, я нахожу в другом месте. Я позволил себе дать вам совет. Как вы поступите... Решайте.

– Я действительно не знал, что Андрей... Что он так вел себя. Он пытался поговорить со мной еще тогда, но я не нашел в себе сил. Во всем винил его.

– Значит, и вам надо снять камень с души, – мягко сказал Пафнутьев, как бы извиняясь за слишком уж суровые слова, которые вырвались у него. – Всего доброго, Сергей Николаевич. Рад был вас повидать. Надеюсь, еще увидимся.

– Да, конечно, – нескладно поднялся со стула хозяин. – Это надо помнить... Живые тоже нуждаются и в поддержке, и в признательности.

– Вот именно, – улыбнулся Пафнутьев.

На улице его встретил дождь. Мелкий и плотный, он мягко шуршал в желтой листве деревьев, обещая скорые холода. Пафнутьев постоял под навесом подъезда, поднял воротник

плаща и побежал к поджидавшей машине. Пока он разговаривал с Сергеем Николаевичем, ее крыша успела покрыться большими красноватыми листьями клена.

* * *

Общение с китайцем Чаном научило Андрея многому, в том числе – чувствовать себя спокойно и уверенно не только на улице или в ночной электричке, но и в самых неожиданных житейских положениях. Назревающий скандал, затухающая драка, оскорбления, которые выкрикивают прямо в лицо, стараясь задеть больше, – везде он оставался невозмутимым, или, говоря точнее, у него хватало сил сохранять невозмутимость.

– Человек может тебя обидеть только в том случае, если ты сам обидишься на него, – говорил Чан. – Человек слаб и злобен, и не все его слова надо слышать.

– Что же, молчать? – спрашивал Андрей.

– Да. Молчать.

– Но он меня оскорбляет!

– Если ты идешь мимо забора, а там беснуется и лает на тебя собака, ты что же – остановишься, станешь на четвереньки и начнешь отвечать ей лаем? – улыбнулся китаец. – А завтра козел тебя боднет, а послезавтра ворона уронит на тебя свой помет...

– Но это же животное, птица!

– А ты можешь сказать, где кончается животное и начинается человек? Где кончается человек и начинается птица? Я этого сказать не берусь. Но знаю твердо: пока молчу, я человек. И Андрею ничего не оставалось, как согласиться.

Вернувшись в свой город, он заметил за собой одну особенность – стал иначе относиться ко времени. Раньше он не мог стоять в очереди, не мог заставить себя потерять даже несколько минут на ожидание, пока кассирша выьет чеки трем-четырем покупателям. Его терзала и мучила сама необходимость вынужденного бездействия, казалось, уходит впустую лучшее его время, уходит жизнь, уплывают надежды чего-то достичь, что-то совершить. Жизнь представлялась бесконечным и безостановочным стремлением к чему-то, и он готов был прилагать все усилия, чтобы его движение не останавливалось ни на миг, потому что в самом движении уже был и смысл, и цель. Он стремился к Свете, мчался к ней на мотоцикле, потом торопился домой, в ремонтную мастерскую, на заправочную станцию, а обнаружив, что уже глубокая ночь, на бешеной скорости по безлюдным улицам, темным пригородам добирался домой, обесиленный падал в кровать и вскакивал утром снова готовый к скорости, километрам, встречам...

Теперь многое изменилось. Он почувствовал смысл и даже наслаждение от собственной неторопливости и смиренности. Андрей ждал Пафнутьева в коридоре прокуратуры уже третий час и в какой-то момент поймал себя на ощущении, что ему нравится само ожидание. Он сидел неподвижно, забившись в полутемный угол на повороте коридора, не проявляя ни малейших признаков нетерпеливости, раздраженности. Неподвластное время текло, словно огибая, омывая его, дыхание было ровным, сердце билось спокойно и размеренно.

Несколько раз к нему обращалась секретарша, пробегая мимо по коридору, сама, казалось, изнуренная его ожиданием. День был неприятным, в коридоре, кроме Андрея, никого не было, а одинокое ожидание, видимо, казалось ей особенно гнетущим.

– Все нормально, девушка... Все хорошо. Я подожду. Мне некуда теперь спешить.

– И некого больше любить? – рассмеялась на ходу секретарша.

– Да, – кивнул Андрей без улыбки. – Некого.

– Не верю!

– Что делать. – Андрей чуть шевельнул ладонями в незаконченном жесте. И голос его был так спокоен и искренен, что смешливая секретарша не осмелилась продолжать шуточный разговор, почувствовав, что затронула что-то важное.

– Если я что-то не так брякнула, вы уж не имейте на меня зуб, – пробормотала она, пробегая в очередной раз по коридору.

– На вас? – улыбнулся Андрей, и она почувствовала себя прощенной. – Никогда!

Наконец появился Пафнутьев. Он на ходу заглянул в один кабинет, во второй, что-то сказал, произнес какие-то слова, явно начальнические, хотя его тон приказным назвать было трудно. Не привык еще Пафнутьев командовать, отдавать распоряжения и указания. Когда он подошел к своему кабинету, Андрей молча встал перед ним.

– Здравствуйте, Павел Николаевич, – сказал он.

– Вы ко мне? – удивился Пафнутьев.

– Я – Андрей. Я звонил вам недавно...

– Андрей? Звонил? Что-то было... О! Старик! – Пафнутьев обнял его, ввел в кабинет, закрыл за собой дверь. – Ну, давай садись, рассказывай.

– О чем рассказывать?

– Да это у меня поговорка такая... Собственная. Садись, рассказывай. Но ты в самом деле садись...

– Вас с повышением можно поздравить?

– Можно поздравить, можно не поздравлять... И поздравато, и не с чем особенно... Вот видишь, как на наших с тобой событиях в прошлом году я возвысился? – Пафнутьев обвел взглядом довольно унылые стены своего кабинета. – Отдельную камеру выделили, телефон поставили, машину дали...

Андрей осмотрел кабинет, но ни на чем взгляд его не задержался, ничто не привлекло внимания. Или же, что скорее всего, ничего не отразилось на его лице.

– Понятно, – сказал он, присаживаясь к столу. – Все это отработать придется, верно?

– Уже приходится, старик!

– Тогда я вам не помощник... Хотя за мной, конечно, должок остается.

– Если остается – отработай, – рассмеялся Пафнутьев, падая в жесткое кресло с подлокотниками.

– Готов, – Андрей исподлобья, настороженно глянул на следователя.

– Это хорошо. Это разговор.

– Прошлый раз вы обещали кое с кем разобраться... Что-нибудь удалось? Состоялось?

– Виноват. Оплошал, – Пафнутьев беспомощно развел руками. – Не разобрался.

– Ни с кем?

– Ни с кем, – кивнул Пафнутьев.

– Случай не подвернулся? Возможности не было? Желание прошло?

– Ну ты, старик, даешь... С тобой не забалуешь... Случай, спрашиваешь... Не подворачивался случай, тут ты прав. Возможность? И возможности не было. Желание... Тут я перед тобой чист – желание осталось.

– Тоже ничего... Хоть что-то, – Андрей поднялся. – Повидались, Павел Николаевич, спасибо, что не забыли... В случае чего – звоните. Авось пригожусь. – Андрей протянул руку для прощального пожатия. Но Пафнутьев своей руки не протянул. Молча смотрел на гостя из-за своего стола – что тот еще скажет, что еще выкинет. Потом поднялся, оглянулся на стол – не осталось ли чего важного, на ходу подергал ручку сейфа и уже возле двери обернулся.

– Пошли... Проведу тебя немного.

Дождь перестал, и в городе сгустился осенний туман. В ста метрах домов уже не было видно, и только по серым контурам угадывались кирпичные громады. В мелких лужах на асфальте плавали листья, машины шли медленнее обычного, с зажженными подфарниками, в

городе стало заметно тише, звуки словно вязли в густом тумане. Пафнутьев и Андрей некоторое время шли молча, постепенно удаляясь от прокуратуры, и, только свернув несколько раз, скрывшись от неизвестного наблюдателя, который, возможно, следил за ними, перебросились несколькими словами.

– Куда идем? – спросил Андрей.

– Есть тут одно приятное местечко... Недалеко...

Выйдя на площадь, они свернули к скверу, прошли по пустынной аллее, и наконец Пафнутьев остановился, приглашающе показал на скамейку недалеко от трамвайной остановки. На ней, видимо, недавно кто-то сидел – остались газетные листы.

– Прошу, – сказал Пафнутьев. – Я здесь когда-то целый час тебя ожидал... Как потом выяснилось, под прицелом штуковины, помнишь?

– Помню, – сказал Андрей, садясь и плотнее запахиваясь в плащевую куртку. – Кстати, а где эта штукавина? Цела?

– Уже понадобилась?

– Пока нет...

– Но заскучал по ней?

– Не знаю... Но лучше, когда она под рукой.

– Понадобится – скажешь.

– И маслины есть?

– Пришлось похлопотать.

Разговор продолжался в том же духе, немного странный разговор – Пафнутьев вроде бы отвечал на вопросы Андрея, тот тоже не отмалчивался, но в то же время посторонний человек, даже догадавшись, о чем идет речь, ни за что не смог бы установить их отношение к той самой штуковине. Не прозвучало в разговоре ни явного подтверждения чего бы то ни было, ни прямого отрицания. Вот спросил Андрей штуковину, цела ли, дескать? Что ответил Пафнутьев? Да ничего. Просто уточнил – понадобилась? И от ответа ушел, и дал понять – цела штукавина, в надежном месте, и все, что к ней требуется, тоже есть в наличии. А Андрей понял – не исключает Пафнутьев, что штукавина понадобится, не исключает и применение ее по прямому назначению.

– Где нашлись маслины-то? – спросил Андрей, даже не надеясь на ответ, потому что знал: на подобные вопросы не отвечают.

– При обыске... В одном кабинете. Целая коробка.

– Тогда же?

– Да.

– Это хорошо. – Андрей зябко повел плечами, поднял капюшон куртки. – Как будем жить дальше, Павел Николаевич?

– Давай решать. – Пафнутьев помолчал, пережидая, пока перекресток проедет скрежещущий трамвай, пока снова установится тишина. – Если я правильно понял, ты готов начать боевые действия?

– Почему бы и нет?

– Не пойдет. Не те люди, не те цели. Простого продолжения не будет. Все сложнее... Если ты их хлопнешь одного за другим, а ты сможешь... Они уйдут героями. Жертвами бандитских группировок. Невинными жертвами, Андрей.

– Пусть уходят кем угодно. Лишь бы ушли.

– Нет. Они должны уйти подонками.

– Вы меня, конечно, простите, Павел Николаевич... Но если я правильно понимаю... Сейчас вы с ними в одной связке?

– Они так думают.

– Они что – дураки?

- Нет, этого не скажешь.
- Значит, так не думают.
- Ты изменился, Андрей.
- В какую сторону?
- Конечно, в лучшую. Послушай меня... Немедленных действий прямо с завтрашнего утра не будет. От нас требуется спокойствие. Терпение. Выдержка. И готовность к действию.
- Вы тоже изменились, Павел Николаевич.
- И знаю, в какую сторону. Я стал опасливее. Я стал больше себя ценить. Я уже не могу сказать, что ничего не боюсь. Оглянись, Андрей. Мы живем уже не в той стране, в какой жили в прошлом году. Это совсем другая страна. Здесь действуют другие законы, нами правят другие люди...
- А я слышал, что Сысцов остался на месте?
- Значит, другие люди правят Сысцовым. Большую охоту устраивать не будем. Никаких отстрелов. Тихая, спокойная работа.
- Ложимся на дно?
- Что ты намерен делать? – спросил Пафнутьев, не отвечая. – Работать, учиться, шататься без дела?
- Надо работать... Мать чуть жива... И вообще.
- В прокуратуру пойдешь?
- Что?! – отшатнулся Андрей.
- А что... Биография у тебя прекрасная, рабочая биография. Ни в чем предосудительном не замечен, в дурных связях, сомнительных знакомствах не уличен. В армии отслужил, есть и специальность...
- Какая?
- Водитель. Механик. Физическая подготовка тоже не самая худшая.
- Она у меня даже лучше, чем это может показаться.
- Отлично. Устрою тебя в группу, будешь заниматься самбо, карате-шмарате...
- Боюсь, мне там нечего делать.
- Даже так?! – восхитился Пафнутьев. – Тогда тем более надо записаться в какую-нибудь секцию. Форму надо поддерживать... Короче – мне нужен водитель. Я тебе уже говорил – машину дали. Положена машина. Будешь моим водителем. Это не самый худший вариант... Мы вместе – это важно. Мы рядом. И не надо никому объяснять, почему мы рядом. Понимаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.